

Король Матиуш Первый

Автор:

Януш Корчак

Король Матиуш Первый

Януш Корчак

Король Матиуш #1

Януш Корчак (1878–1942) – польский писатель, врач и педагог, великий гуманист XX века. Корчак был человеком необыкновенным, всю свою жизнь посвятивший чужим детям, к которым относился с огромной любовью и заботой.

Одно из самых известных произведений писателя – философская повесть-сказка «Король Матиуш Первый», ставшая классикой детской литературы и завоевавшая сердца миллионов детей и взрослых во всем мире. Трогательные моменты, которые не оставят равнодушными ни одного слушателя, сочетаются в этой повести с динамичным сюжетом. Маленькому королю придется вести войну, отправиться в далекое путешествие, столкнуться с людоедами. Он захочет изменить жизнь в своей стране, провести реформы в защиту детей.

Януш Корчак

Король Матиуш Первый

© Подольская Н.Я., наследники

Дело было так.

– Если через три дня королю не станет лучше, можно всего ожидать, – сказал доктор. – Король тяжело болен, и если через три дня состояние его не улучшится, можно всего... всего ожидать, – повторил он.

Все опечалились, а главный министр, нацепив на нос очки, спросил:

– Что значит «можно всего ожидать»?

Доктор ничего более определённого не сказал, но все и так поняли: значит, король умрёт. Главный министр переполошился и созвал государственный совет.

Министры собрались в просторном аудиенц-зале и расселись в мягких креслах вокруг большого стола. Перед каждым из них лежал лист бумаги и два карандаша: один – простой, второй – с одного конца красный, с другого синий. А перед главным министром стоял ещё колокольчик.

Дверь заперли на ключ, чтобы никто не мешал. Зажгли свет и долго сидели молча. Наконец главный министр позвонил в колокольчик и сказал:

– Давайте посоветуемся, как быть. Король болен и управлять государством не может.

Первым взял слово министр военный:

– Надо позвать доктора. Пусть скажет прямо: вылечит он короля или нет?

Военного министра все боялись: он носил саблю и пистолет. Поэтому ему никто не прекословил.

– Правильно, позвать сюда доктора! – единодушно согласились министры.

Послали за доктором, но он не мог прийти, так как ставил королю двадцать четыре банки.

– Ну что ж, придётся подождать, – сказал главный министр. – А пока давайте обсудим, что делать, если король умрёт.

– По закону, – заговорил министр юстиции, – престол переходит к его старшему сыну. Потому он и называется наследником престола. Итак, если король умрёт, на трон вступит его старший сын и наследник.

– Но у нашего короля один сын.

– Этого вполне достаточно.

– Но Матиуш ещё совсем ребёнок! Вот так король, даже писать не умеет!

– Закон есть закон, – изрёк министр юстиции. – Такие случаи в истории известны. В Испании, Бельгии и некоторых других государствах бывало, что престол занимал малолетний монарх.

– Да, да, – поддакнул министр почт и телеграфа, – я даже марки видел с изображением короля-ребёнка.

– Помилуйте, господа, ведь это абсурд! Король, который не умеет ни читать, ни писать, не знает ни географии, ни грамматики!.. – возмутился министр просвещения.

– Я разделяю мнение уважаемого коллеги, – сказал государственный казначей. – Как же он будет проверять счета или отдавать распоряжения, сколько чеканить новых денег, не зная таблицы умножения?

– Это ещё полбеды, господа! – вмешался военный министр. – Короля-мальчишку никто слушаться не будет. Разве он справится с генералами и солдатами?

– Дело не только в солдатах, – мрачно сказал обер-полицмейстер, – его вообще никто не будет бояться. Начнутся беспорядки и бунты. Если Матиуша провозгласят королём, я слагаю с себя всякую ответственность.

– Об этом в законе ничего не сказано. – Министр юстиции побагровел от злости. – Повторяю: по закону после смерти короля престол переходит к его сыну.

– Но ведь Матиуш ещё совсем маленький! – хором воскликнули министры.

Атмосфера накалялась; казалось, вот-вот разразится скандал, но тут двери широко распахнулись, и в зал вступил иноземный посол.

Министры оторопели: как чужестранец проник в запертый на ключ зал? Вот чудеса! Однако, как выяснилось потом, ничего таинственного в этом не было. Просто, когда ходили за доктором, забыли запереть дверь. Но по дворцу поползли зловещие слухи об измене: дескать, министр юстиции нарочно приказал оставить дверь открытой, потому что заранее знал о приходе знатного иностранца.

– Добрый вечер! – Посол раскланялся. – Именем моего августейшего повелителя и государя имею честь сообщить: если вы не провозгласите Матиуша королём, мы объявим вам войну.

У канцлера (то есть главного министра) душа ушла в пятки, но он с невозмутимым видом взял лежащий перед ним листок бумаги и написал синим карандашом: «Хорошо, пусть будет война», – и протянул записку иностранному послу.

– Я доложу об этом своему монарху! – важно сказал посол и с поклоном удалился.

Тут в зал вошёл доктор, и министры стали его умолять во что бы то ни стало спасти короля. Ведь смерть короля означала теперь войну и бедствия.

– Я уже перепробовал все лекарства, какие знал. Даже банки ставил... Я бессилён помочь королю. Но можно пригласить других докторов.

Как утопающий за соломинку, ухватились министры за этот совет. Любой ценой короля надо спасти! Тотчас из королевского гаража в разные концы города помчались автомобили за медицинскими светилами. А проголодавшиеся министры тем временем велели королевскому повару подать им ужин. Они ведь не знали заранее, сколько пробудут во дворце, и потому не пообедали дома.

Дворцовые лакеи расставили на столе серебряные блюда с изысканными кушаньями, бутылки с самыми лучшими винами. Повар из кожи вон лез, стараясь угодить министрам: он боялся, как бы после смерти короля его не прогнали из дворца.

Министры как ни в чём не бывало пьют, едят, оживлённо беседуют, а рядом в зале собрались врачи.

– Королю необходимо сделать операцию, – решительно заявил один старый бородач.

– А я думаю, – возразил другой доктор, – ему помогут припарки.

– Порошки – вот единственное средство, которое спасёт короля! – изрёк знаменитый профессор.

– А может, капли? – робко вставил какой-то безвестный лекарь.

Каждый врач привёз с собой толстенную книгу, и в каждой книге по-разному написано, как лечить такую болезнь.

Время шло. Министры клевали носами. Но хочешь не хочешь, а надо ждать, что скажут доктора.

Переполох, поднявшийся в ту ночь во дворце, разбудил Матиуша, маленького наследника престола.

«Пойду посмотрю, что там за шум», – подумал Матиуш и, соскочив с постели, наскоро оделся и выскользнул в коридор.

Перед дверью столовой он остановился – вовсе не для того, чтобы подслушивать, просто не мог дотянуться до ручки и открыть дверь. И вот что он услышал...

– Вино в королевских подвалах отменное! – раздался громкий голос казначея. – Выпьем-ка, друзья, ещё по одной! Матиушу, если он будет королём, вино ни к чему – ведь детям пить не полагается.

– И сигар дети тоже не курят! – закричал министр торговли. – Предлагаю по этому случаю прихватить немного сигар с собой!

– Вот увидите, господа, если будет война, от этого дворца камня на камне не останется. Смешно думать, будто страну сумеет защитить маленький мальчик.

– За здоровье нашего защитника, его величества короля Матиуша Первого! – слышались пьяные крики и хохот.

Спросонья Матиуш не мог сообразить, о чём это они толкуют. Он знал, что из-за болезни отца министры часто теперь совещаются во дворце. Но почему они над ним, над Матиушем, смеются? Почему называют его королём? И о какой войне идёт речь?

Полусонный, испуганный Матиуш пошёл дальше по коридору и услышал из-за другой двери:

– А я утверждаю: король непременно умрёт. Никакие порошки и микстуры ему не помогут.

– Голову даю на отсечение: король не протянет больше недели.

Мальчик не дослушал. Опрометью бросился он бежать по коридору, пересёк два просторных покоя и, запыхавшись, влетел в королевскую опочивальню.

Король-отец, очень бледный, лежал на кровати и часто-часто дышал. Возле него сидел добрый старый доктор, который лечил и Матиуша, когда тот болел.

– Папочка! Папочка! – заливаясь слезами, закричал Матиуш. – Я не хочу, чтобы ты умирал!

Король приоткрыл глаза и устремил скорбный взгляд на сына.

– Я тоже не хочу умирать, – прошептал он. – Не хочу оставлять тебя одного на белом свете.

Доктор взял Матиуша на колени. Они просидели так довольно долго, не проронив ни слова.

И в памяти Матиуша всплыла такая картина: он сидит на коленях у отца, а на кровати лежит мама – бледная как полотно и часто-часто дышит. «Значит, папа тоже умрёт», – подумал Матиуш.

У мальчика сердце сжалось от горя. И одновременно вспыхнули гнев и обида на министров: как они смеют смеяться над ним и над его умирающим отцом!

«Я им покажу, когда стану королём!» – пронеслось у него в голове.

Похороны устроили очень пышные. Фонари были обёрнуты чёрным крепом, звонили во все колокола, оркестр играл траурный марш. По улицам двигались пушки, маршировали солдаты. Благоухали цветы, за большие деньги выписанные из жарких стран. Народ оплакивал кончину любимого монарха. Газеты сообщали о тяжёлой утрате, постигшей страну.

Пригорюнившись, сидел Матиуш в детской. Предстоящая коронация его ничуть не радовала: ведь у него умер отец и он теперь круглый сирота.

Мальчик вспомнил маму – это она выбрала ему такое имя: Матиуш. Мама нисколько не кичилась своим королевским саном. Она играла с ним, строила дома из кубиков, рассказывала дивные сказки, они смотрели вместе книжки с картинками. С отцом Матиуш виделся реже – у него, как у всех королей, было дел по горло: то военные парады, то визиты иностранных королей, то сам он ездил за границу, а потом – бесконечные совещания, заседания, советы.

Но и отец, бывало, выкраивал для сына свободную минуту. Играл с ним в кегли, а то сядет верхом на лошадь, Матиуша на пони посадит, и они отправляются кататься по длинным аллеям дворцового парка. А теперь что? Неотступно, как тень, следует за ним гувернёр-иностранец с такой кислой физиономией, будто только что выпил стакан уксуса. Да и вообще, разве быть королём так уж приятно? Пожалуй, нет. Вот если бы война, тогда другое дело, сражаться можно. А так...

Грустно сидеть одному в комнате, грустно смотреть, как за дворцовой оградой резвятся на свободе дети.

Ребят было семеро, и чаще всего играли они в войну. Верховодил весёлый коренастый паренёк, которого звали Фелеком. Он водил своих товарищей в

атаку, муштровал их.

Сколько раз подмывало Матиуша окликнуть его и поболтать с ним хоть через решётку. Но подобает ли так поступать королю, он не знал. А потом, с чего начать разговор, что сказать ему?

По городу расклеили огромные афиши, которые гласили, что Матиуш вступил на трон и приветствует своих подданных, что министры остаются прежние и будут помогать малолетнему королю управлять государством.

В витринах магазинов выставили фотографии Матиуша: Матиуш верхом на пони, Матиуш в матроске, Матиуш в военном мундире, Матиуш на параде. Показывали Матиуша и в кино. Страницы иллюстрированных журналов в стране и за рубежом тоже пестрели изображениями Матиуша.

Его все любили. Взрослые жалели его, потому что он сирота. Мальчишкам льстило, что все слушаются их сверстника: даже генералы стоят перед ним навытяжку, а солдаты делают на караул. Девчонки, те по уши влюбились в милovidного маленького короля, снятого верхом на пони. Но больше всего любили его приютские дети.

Ещё при жизни королевы в приюты по большим праздникам посылались гостинцы. После её смерти король приказал сохранить этот обычай. И теперь без ведома Матиуша дети продолжали получать к праздникам сладости и игрушки. Лишь много позже Матиуш понял: если в бюджете есть соответствующая статья, можно сделать людям много добра. А вот если нет такой статьи, пиши пропало.

Примерно через полгода после вступления Матиуша на трон популярность его, благодаря одному случаю, возросла ещё больше. Имя его было на устах у всех горожан. Всем пришёлся по душе поступок юного монарха.

А случилось вот что.

Матиуш долго приставал к старому доктору, чтобы тот разрешил ему гулять по городу. «Хоть раз в неделю отпускайте меня в городской сад, где играют обыкновенные дети. В королевском парке очень хорошо, но даже в самом расчудесном месте одному неинтересно и скучно», – убеждал его Матиуш.

Наконец доктор сдался и обратился к гофмейстеру с просьбой разрешить Матиушу три прогулки по городу с промежутком в две недели. Гофмейстер обратился в главное дворцовое управление, главное дворцовое управление ходатайствовало перед регентом созвать совет министров и изложить им просьбу короля.

Чудно?, скажете вы, что королю так трудно выбраться на самую обыкновенную прогулку. Однако... дело оказалось ещё сложнее. Гофмейстер согласился поддержать просьбу Матиуша только из благодарности к доктору, который недавно вылечил его, когда он отравился рыбой. Но это ещё не всё: главное дворцовое управление взялось за это в надежде получить деньги на постройку новой конюшни, которых оно давно и тщетно добивалось. Новая же конюшня была мечтой королевского регента. А обер-полицмейстер дал согласие назло государственному казначею. Ведь за каждую королевскую прогулку полиции выдавали из казны по три тысячи дукатов, а санитарному управлению города – бочку одеколона и тысячу дукатов золотом.

Перед каждой королевской прогулкой двести рабочих и сто уборщиц подметали и наводили в саду порядок: красили скамейки, опрыскивали аллеи одеколоном, с деревьев и кустов вытирали пыль. За чистотой следил целый отряд врачей: всем известно, как вредны для здоровья грязь и пыль. А полиция следила, чтобы в сад не прошмыгнули хулиганы, имеющие обыкновение швырять камни, толкаться, драться и орать.

Матиуш был счастлив. В просто одетом мальчике никто не узнавал короля. И потом, кому могло прийти в голову, что король, как простой смертный, гуляет в обыкновенном саду. Обойдя два раза сад, Матиуш присел отдохнуть на площадке, где играли дети. Только он сел, как к нему подбегает девочка и говорит:

– Мальчик, хочешь играть с нами? – и, не дожидаясь ответа, взяла Матиуша за руку и повела в круг.

Они пели песенки, водили хоровод. В перерыве между играми девочка разговорилась с Матиушем.

– У тебя есть сестра?

– Нет.

– А кем работает твой папа?

– Мой папа умер. Он работал королём.

Девочка, конечно, подумала, что Матиуш шутит.

– Будь мой папа королём, я бы его попросила купить мне куклу до потолка, – засмеявшись, сказала она.

Из разговора выяснилось, что отец Иренки (так звали девочку) – начальник пожарной команды. И она очень любила пожарных, потому что они катали её на лошадях.

Матиуш с удовольствием побыл бы ещё немножко в саду, но гулять было разрешено до четырёх часов двадцати минут сорока трёх секунд.

С нетерпением ждал Матиуш следующей прогулки, но в тот день, как назло, моросил дождь и, опасаясь за здоровье короля, его оставили дома. Наконец долгожданный день настал, и с Матиушем произошёл такой случай.

Когда он, как в прошлый раз, играл с девочками в классики, вдруг подходят мальчики и один из них говорит:

– Смотрите, мальчишка, а с девчонками играет!

Все засмеялись. А Матиуш огляделся по сторонам и видит: действительно, ни один мальчик не играет в классики.

– Пойдём лучше играть с нами, – предложил один мальчик.

Матиуш пристально посмотрел на него и – о чудо! – узнал Фелека, того самого мальчика, с которым давно мечтал познакомиться.

Фелек оглядел Матиуша с головы до ног и от удивления даже закричал:

– Гляньте, да он вылитый король Матиуш!

Мальчишки вытаращили глаза. Матиушу стало не по себе, и он бросился бежать к своему адъютанту, который тоже гулял в обыкновенном костюме. И то ли от спешки, то ли от смущения Матиуш растянулся на земле и ободрал коленку.

Когда это стало известно, министры постановили: «Запретить королю гулять в городском саду. Воля короля для нас – закон, но позволять его величеству гулять в обыкновенном саду, где к нему пристают и смеются над ним невоспитанные дети, нельзя. Это унижает королевское достоинство».

Узнав об этом, Матиуш очень огорчился и долго перебирал в памяти мельчайшие подробности этих двух прогулок. Как весело играть с обыкновенными детьми в обыкновенном саду! И он вспомнил о желании Иренки иметь куклу до потолка. С тех пор мысль о том, как осуществить её мечту, не давала ему покоя.

«Как же так? Ведь я – король, значит, все должны меня слушаться, а выходит наоборот: я всех слушаюсь, – рассуждал Матиуш сам с собой. – Между мной и другими детьми никакой разницы нет. Как все дети, я читаю и пишу. Мою уши и шею, чищу зубы. И таблица умножения, которую я учу, ничуть не легче той, которую учат другие дети. Какая же выгода быть королём?»

Матиуш взбунтовался и во время аудиенции твёрдым голосом потребовал у главного министра, чтобы Иренке купили куклу, самую большую, какая есть на свете.

– Ваше величество, соблаговолите выслушать... – начал главный министр.

Но Матиуш заранее знал, что этот несносный человек начнёт сейчас плести паутину непонятных слов. Он запутается в ней, как муха, и из затеи с куклой ничего не выйдет. К счастью, Матиуш вспомнил: однажды канцлер вот так же начал что-то плести отцу, а тот топнул ногой и сказал:

«Такова моя королевская воля!»

И по примеру отца Матиуш тоже топнул ногой и решительно заявил:

– Такова моя королевская воля!

Главный министр оторопело взглянул на Матиуша, записал что-то в блокноте и пробормотал:

– Желание вашего величества будет изложено министрам.

О чём говорили министры на заседании, неизвестно. Оно проходило при закрытых дверях. Однако в результате вынесли решение: куклу купить. Министр торговли как угорелый два дня носился по магазинам в поисках куклы до потолка. Но ни в одном магазине такой куклы не оказалось. Тогда министр созвал всех фабрикантов. И один фабрикант взялся за большие деньги изготовить куклу за четыре недели. Когда кукла была готова, он выставил её в витрине своего магазина, снабдив такой надписью: «Поставщик двора его королевского величества изготовил эту куклу для Иренки, дочери начальника пожарной команды».

На другой день в газетах появились фотографии Иренки, куклы и пожарных, которые тушат пожар. Распространились слухи, будто король Матиуш очень любит смотреть на пожары. Кто-то даже написал в газету, что готов поджечь свой дом, лишь бы доставить королю удовольствие. А девочки засыпали Матиуша просьбами подарить им такие же куклы. Канцлер пришёл в ярость и строго-настрого запретил статс-секретарю показывать Матиушу эти письма.

Три дня перед магазином толпился народ: всем хотелось поглазеть на королевский подарок, а на четвёртый обер-полицмейстер приказал убрать куклу с витрины, так как она мешает уличному движению.

Но в городе ещё долго толковали про диковинную куклу, которую король Матиуш подарил Иренке.

Матиуш вставал в семь часов утра, умывался, одевался, сам чистил ботинки и убирал постель. Такой порядок завёл при дворе его прадед, отважный Павел Завоеватель. Потом Матиуш выпивал ложку рыбьего жира и садился завтракать.

На завтрак отводилось шестнадцать минут тридцать пять секунд. Так постановил великий дед Матиуша, добрый Юлиуш Благодетель. После завтрака Матиуш принимал министров в тронном зале – холодном и нетопленном. Прабабушка Матиуша, Анна Праведная, ещё будучи ребёнком однажды так сильно угорела, что её еле-еле спасли. И вот в назидание потомству записали в королевской хронике: «Отныне и впредь в течение пятисот лет в тронном зале не делать печей».

Восседает Матиуш на высоком троне и от холода щёлкает зубами, а министры по очереди докладывают, что происходит в государстве. Известия, как правило, малоутешительные, поэтому слушать скучно и неприятно.

Министр иностранных дел сообщал, кто хочет с ними жить в мире, а кто – воевать, но говорил он так заумно и путано, что Матиуш ровным счётом ничего не понимал.

Военный министр перечислял, сколько крепостей обветшало, сколько вышло пушек из строя, сколько больных солдат.

Министр железных дорог доказывал, почему необходимо купить новые паровозы.

Министр просвещения жаловался: дети плохо учатся, опаздывают в школу; мальчики тайком курят, вырывают страницы из тетрадок, дерутся, бьют стёкла, швыряются камнями, а девочки дуются и ссорятся.

Государственный казначей сердито заявлял: королевская сокровищница пуста и не на что покупать новые паровозы и новые пушки.

После этого Матиуш час гулял в парке. Но что за радость гулять в одиночку? И он с удовольствием возвращался во дворец и принимался за уроки. Учился Матиуш хорошо. Он понимал: невежде трудно быть королём. И он быстро научился подписывать своё имя с замысловатой закорючкой. Кроме того, он ещё занимался французским и другими иностранными языками на случай, если придётся ехать в гости к чужеземным королям.

Матиуш учился бы ещё лучше, если бы можно было спрашивать обо всём, что приходит в голову. Например, он долго размышлял, как бы изобрести

увеличительное стекло, которое воспламеняет порох на расстоянии. Изобрести и объявить всем королям войну, а накануне генерального сражения взорвать неприятельские пороховые склады. И победа обеспечена. Ведь ни у кого не осталось бы и крупницы пороха. И он стал бы самым могущественным королём на земле. Но когда он поделился своими мыслями с учителем, тот пожал плечами с кислой миной и ничего не ответил.

В другой раз он спросил, почему сыну от отца не передаются ум и знания? Стефан Мудрый, отец Матиуша, был очень умный. Королевскую власть Матиуш от него унаследовал, а вот учиться приходится с азов, и ещё неизвестно, будет ли он знать столько, сколько отец. А как бы здорово получить в наследство заодно с короной и тронном от прадеда Павла Завоевателя мужество, доброту от Юлиуша Благодетельного, от отца – ум и знания.

Но на этот вопрос он тоже не получил ответа.

Мечтал Матиуш и о шапке-невидимке. Надел шапку-невидимку и иди куда хочешь: никто тебя не увидит. Лёг бы в постель, сказав, что голова болит, днём бы выспался, а ночью отправился бродить по городу, витрины смотреть, в театр сходил бы.

Папа с мамой однажды взяли его с собой в театр на премьеру. Но он был тогда совсем маленьким и ничего не понял. Помнит только, что было очень интересно.

Будь у него шапка-невидимка, выбежал бы он за дворцовые ворота к ребятам, познакомился с Фелеком. И во дворце заглянул во все закоулки. На кухне посмотрел бы, как разные кушанья готовят, в конюшню к лошадям прокрался и всюду, куда его не пускают.

«Странно! – скажете вы. – Почему королю запрещают такие пустяки?» Дело в том, что короли обязаны строго соблюдать этикет. Этикет – это правила поведения, принятые при дворе, которые передаются из поколения в поколение. И захоти какой-нибудь король-выскочка сделать что-то по-своему, его перестали бы бояться и уважать. Сказали бы: он уронил королевское достоинство и не уважает своего великого отца, деда, прадеда! Поэтому, если король задумал ввести новшество, он обращается к церемониймейстеру, который следит за соблюдением этикета и точно знает, что можно, а чего нельзя делать королям.

Как известно, Матиушу по этикету отводилось на завтрак шестнадцать минут тридцать пять секунд, потому что так поступал его дед. Тронный зал не отапливался – такова была воля его прабабушки. Но прабабушка давно умерла, и её не спросишь: можно ли поставить в зале печку?

Из-за любого пустяка, если это касается королевской особы, созывают министров, и они долго совещаются с умным видом. Так было с прогулкой Матиуша. Волокита отбивала всякое желание просить о чём-нибудь.

А Матиуш оказался ещё в худшем положении, чем его предки: этикет-то рассчитан на взрослых, а не на детей! Поэтому церемониймейстеру волей-неволей пришлось немного отступить от строгого, чопорного этикета. Так, вместо сладкого вина Матиушу давали две ложки противного рыбьего жира, а вместо газет приносили книжки с картинками.

Конечно, знай Матиуш столько, сколько отец, или имей он шапку-невидимку, тогда ещё бы стоило быть королём. А так что? Уж лучше бы родился обыкновенным мальчиком, ходил себе в школу, вырывал страницы из тетрадок да камнями кидался. «Хорошо бы поскорей научиться писать и послать Фелеку письмо. Фелек ответит, и получится, будто мы разговариваем», – подумал Матиуш.

И с тех пор он стал особенно прилежно переписывать из книжки стишки и рассказы. Он бы даже гулять не ходил, если бы позволили. Но опять мешал этот проклятый этикет: из тронного зала полагалось идти в парк. Двадцать лакеев стояли наготове, чтобы распахнуть перед юным королём дверь в сад. Откажись Матиуш в один прекрасный день от прогулки, двадцать лакеев остались бы без дела.

«Тоже мне работа – дверь открывать!» – скажет несведущий человек. И вот, чтобы никто не подумал, будто у дворцовых лакеев райская жизнь, придётся рассказать, что... по утрам они принимают холодную ванну, потом придворный парикмахер причёсывает их, бреет, подстригает усы и бороды. Потом они тщательно чистят свою одежду, чтобы ни пылинки, ни пушинки не пристало. Триста лет тому назад, в царствование Генриха Свирепого, какая-то безмозглая блоха возьми да прыгни с ливреи своего хозяина на королевский жезл. Неряхе лакею отрубили голову, а гофмейстер лишь чудом избежал казни. И с той поры дворецкий в одиннадцать часов семь минут проверял, чистые ли у лакеев уши, шея, руки, а в тринадцать часов семнадцать минут являлся церемониймейстер.

За незастёгнутую пуговицу полагалось шесть лет тюрьмы, за небрежную причёску – четыре года каторжных работ, за неловкий поклон – два месяца заключения на хлебе и воде.

«Странный народ эти взрослые. Лучше не связываться с ними, – твёрдо понял Матиуш. – А то ещё откопают в истории какого-нибудь королишку-домоседа, который носа на улицу не высовывал, и заставят меня брать с него пример. Тогда всё пропало! И никакого письма Фелек не получит».

Матиуш был способный, но главное – не способности, а сильная воля и упорство.

«Через месяц напишу Фелеку первое письмо», – решил он про себя. И, несмотря на разные помехи, ровно через месяц письмо было готово.

Дорогой Фелек, – писал Матиуш, – я давно уже смотрю, как вы играете во дворе. Мне очень хочется поиграть с вами. Но мне не позволяют, потому что я король. Ты мне очень нравишься. Напиши, кто ты, я хочу с тобой дружить. Если твой отец военный, может, тебе разрешат приходить иногда в королевский парк.

КОРОЛЬ МАТИУШ.

Тревожно билось у Матиуша сердце, когда он подозвал Фелека и просунул через решётку письмо.

Ещё сильнее сердце у него забилося, когда на другой день он тем же путём получил ответ.

Король, – писал Фелек, – мой отец – сержант королевской гвардии. Мне очень хочется погулять в королевском парке.

Король, я предан тебе душой и телом и готов защищать тебя до последней капли крови. Если тебе понадобится моя помощь, только свистни, и я явлюсь по первому твоему зову.

ФЕЛЕК.

Матиуш спрятал письмо на дно ящика, под книги, и стал учиться свистеть. Главное, всё сохранить в тайне, а пока придумать, что предпринять. Если открыто попросить, чтобы Фелеку разрешили приходить в королевский парк, сразу начнутся расспросы: зачем, для чего, откуда Матиуш знает, как его зовут, где они познакомились? А если продолжать встречаться тайно... Брр, даже страшно подумать, что будет, если их накроют. Как ни кинь – всё клин! Будь отец Фелека хотя бы поручиком, а то сержант! Офицерскому сыну, может, разрешили бы играть с королём, а так – никакой надежды!

«Надо подождать, – решил Матиуш, – а пока научусь-ка я свистеть».

Если ты никогда не видел, как это делается, научиться свистеть совсем не просто. Но у Матиуша, как известно, была сильная воля, и ему это удалось.

И вот однажды он свистнул просто так, для пробы. И каково же было его изумление, когда через минуту словно из-под земли вырос Фелек.

– Как ты сюда попал?

– Перелез через забор, – ответил мальчик, стоя перед королём навтыяжку.

Король со своим новым другом юркнули в густой малинник, росший вдоль ограды, чтобы без помех решить, как им быть дальше.

– Знаешь, Фелек, какой я несчастный! С тех пор как я научился писать, мне приносят на подпись разные бумаги, и это называется у них управлять государством. На самом деле не я распоряжаюсь, а мной все командуют. Велят делать множество скучных, ненужных вещей, а всё интересное делают сами.

– Кто же эти мерзавцы, которые смеют командовать вашей милостью?

– Министры. Когда был жив отец, я слушался его...

– Тогда ты был его высочеством, наследным принцем, а отец твой – его величеством королём, а теперь...

- Теперь мне совсем худо. Ведь министров много, а я один!

- Они военные или штатские?

- Военный министр один.

- А остальные штатские?

- Что такое «штатские»?

- Ну, которые сабель и мундиров не носят.

- Значит, штатские.

Запихнув в рот пригоршню малины, Фелек глубоко задумался. А потом неожиданно спросил, есть ли в королевском саду вишни.

Матиуша несколько озадачил этот вопрос, но Фелек уже успел завоевать его расположение, и он сказал, что есть вишни и груши, и обещал передать Фелеку через забор, сколько он захочет.

- Ну ладно, часто нам видеться нельзя, а то попадёмся. Будем делать вид, что мы незнакомы. А письма кладите, ваше величество, под забор. И про вишни не забудьте! Положите письмо, ваше величество, свистните, и я его возьму.

- А когда у тебя будет готов ответ, ты мне свистни, - обрадовался Матиуш.

- Короля свистом вызывать не годится, - возразил Фелек. - Я кукушкой буду кричать. Встану подальше от забора и - «ку-ку, ку-ку!».

- Хорошо, - согласился Матиуш. - Когда мы опять увидимся?

Фелек долго соображал что-то и наконец проговорил:

- Без разрешения мне сюда нельзя приходить. Мой отец за версту человека разглядит, недаром он в королевской гвардии служит. А он строго-настрого

запретил мне даже близко подходить к забору. «Фелек, – сказал он, – не вздумай вишни воровать в королевском саду, не то шкуру с тебя спущу».

Матиуш оторопел.

Вот тебе на?! С таким трудом найти друга – и чтобы по твоей вине с него шкуру содрали! Нет, это слишком большой риск.

– Как же ты вернёшься домой? – забеспокоился Матиуш.

– Вы уходите, ваша милость, а я уж что-нибудь придумаю.

Признав его совет разумным, Матиуш вылез из зарослей. И как раз вовремя: гувернёр-иностранец, обеспокоенный его исчезновением, так и зыркал по сторонам.

Высокая дворцовая ограда не мешала дружбе мальчиков. Но Матиуш часто вздыхал на осмотрах у доктора, который каждую неделю измерял его рост и взвешивал, чтобы знать, скоро ли король подрастёт. Матиуш жаловался на одиночество и однажды сказал военному министру, что хотел бы обучаться военному делу.

– Может, у вас есть на примете знакомый сержант, который давал бы мне уроки?

– Желание вашего величества овладеть военным ремеслом весьма похвально. Но почему вы хотите, чтобы это был непременно сержант?

– Не обязательно сержант, пусть сын сержанта.

Военный министр наморщил лоб и с важным видом записал что-то в блокнот.

Матиуш вздохнул безнадежно: он заранее знал ответ министра.

– Желание вашего величества будет обсуждено на ближайшем заседании совета министров.

«Ничего путного из этого не выйдет: пришлют старого генерала», – подумал Матиуш.

Однако на этот раз дело неожиданно приняло иной оборот.

На ближайшем заседании на повестке дня стоял один вопрос – война. Три государства объявили войну Матиушу.

Прошёл день, второй, а Матиуш ничего не знал. О войне сообщил ему Фелек. Обычно, положив письмо, Фелек раза три кричал: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку», а в тот день его «ку-ку» повторялось раз сто. И Матиуш догадался: значит, письмо очень важное. Но насколько важное, он, конечно, не подозревал. Их государство давно не воевало. Стефан Мудрый, его отец, умел жить в мире с соседями, и хотя большой дружбы ни с кем не водил, до войны дело не доходило, а ему объявить войну никто бы не отважился.

Три государства объявили вашему величеству войну, – писал Фелек. – Мой отец давно сулился выпить на радостях при первом известии о войне. Я жду, когда он напьётся, потому что нам необходимо увидеться.

Всё понятно: соседи захотели воспользоваться неопытностью короля. И Матиуш решил доказать им, что они просчитались: он хоть и маленький, сумеет защитить свою страну не хуже большого.

Война!

У Матиуша кровь взыграла – не даром он был правнуком отважного Павла Завоевателя!

Вот когда бы пригодилось увеличительное стекло, воспламеняющее на расстоянии порох, и шапка-невидимка!

Матиуш ждал, когда его пригласят на чрезвычайное заседание, и он как монарх возьмёт бразды правления в свои руки. Но заседание состоялось ночью, и Матиуша не позвали.

А утром, как всегда, явился на урок гувернёра-иностранец.

Матиуш знал: по придворному этикету королю неприлично капризничать, упрямиться и злиться, особенно в такой ответственный момент, как сейчас. Поэтому он только грозно нахмурил брови и, взглянув на себя в зеркало во время урока, подумал: «Я похож на Генриха Свирепого!»

С нетерпением ждал Матиуш того часа, когда министры обычно являлись к нему с докладом. Вообразите его возмущение, когда церемониймейстер объявил, что сегодня аудиенция отменяется.

– Я требую, чтобы военный министр немедленно явился в тронный зал! – побледнев от гнева, твёрдо сказал он.

Слово «военный» Матиуш произнёс таким тоном, что церемониймейстер насторожился: похоже, юному королю всё известно.

– Военный министр на заседании.

– Тогда я сам пойду к нему, – заявил Матиуш и направился в аудиенц-зал.

– Ваше величество, извольте подождать минутку, – чуть не плача, взмолился старик. – Сжальтесь надо мной! Я головой отвечаю за порядок во дворце. У меня будут крупные неприятности.

Матиушу стало жаль старика. Ведь никто не знал лучше него, что можно делать королю, а чего нельзя. Часто долгими зимними вечерами, сидя у камина, Матиуш затаив дыхание слушал рассказы старика о короле-отце, королеве-матери, о балах и театральных представлениях, парадах и манёврах.

Кроме того, Матиуша мучили угрызения совести. Тайная переписка с сыном сержанта, ворованные вишни и малина – всё это не давало ему покоя. «Конечно, – рассуждал он, – сад принадлежит мне, и ягоды я рвал не для себя, а для друга. Но делать это украдкой, исподтишка – нехорошо. Вдруг я обесчестил этим поступком своих великих предков?»

Слёзы старика тронули Матиуша. И доброта чуть его не погубила: он уже готов был пойти на попятный. Но вовремя опомнился и, сделав над собой усилие, нахмурился и холодно сказал:

– Так и быть, даю вам десять минут.

Церемониймейстер опрометью выбежал вон. Во дворце поднялся переполох.

– Откуда Матиуш узнал о войне? – недоумевал министр юстиции.

– Чего этот сопляк всюду суёт свой нос! – возмущённо воскликнул канцлер.

– Господин канцлер, не забываетесь, – одёрнул его министр юстиции. – Закон запрещает на официальных заседаниях отзываться столь неуважительно о королевской особе. В частной беседе можете говорить что угодно, но сейчас вы – официальное лицо. О чём вы думаете, никого не касается, но вслух говорить об этом вы не имеете права.

– Но совещание было прервано, – оправдывался насмерть перепуганный канцлер.

– Тогда следовало объявить перерыв, а вы этого не сделали.

– Простите, я забыл.

Военный министр посмотрел на часы.

– Господа, его величество король дал нам десять минут на размышления. Четыре минуты уже прошло. Давайте не терять время на ссоры. Как старый солдат, я привык подчиняться приказам.

Канцлер трусил не даром. Ведь это он написал синим карандашом:

«Хорошо, пусть будет война».

Быть храбрым на словах ничего не стоит, а вот расхлёбывать кашу, которую заварил, не так-то просто. Что ответить, если король спросит, зачем он так написал?

После смерти Стефана Мудрого все министры были против вступления Матиуша на престол. Однако теперь они втайне радовались, что канцлер попал впросак. Так ему и надо! Пусть не важничает и не распоряжается в государстве, как у себя дома.

Судьба самого государства никого не интересовала. Все были озабочены лишь тем, как бы свалить вину за то, что от короля утаили такое важное известие, на другого.

– Господа, осталась одна минута, – вставая, промолвил военный министр.

Он застегнул верхнюю пуговицу, поправил ордена на груди, покрутил ус, взял револьвер со стола и минуту спустя навтыяжку стоял перед королём.

– Значит, война? – тихо спросил Матиуш.

– Так точно, ваше величество.

У Матиуша словно гора с плеч свалилась. Он тоже волновался: «А вдруг Фелек напутал? Вдруг это неправда? Или просто шутка?»

Но короткое «так точно» не оставляло места для сомнений. Война, и притом серьёзная. Они хотели от него это скрыть, но Матиуш сам обо всём узнал. А как – это тайна.

– Экстренный выпуск последних известий! Правительственный кризис! – спустя час кричали на перекрёстках мальчишки-газетчики.

Это значит – министры поссорились.

Причина правительственного кризиса заключалась в следующем. Канцлер оскорбился и заявил, что слагает с себя полномочия, то есть отказывается быть

главным министром.

Министр железных дорог сказал: для перевозки войска не хватит паровозов. Министр просвещения сказал: все учителя уйдут на войну, и мальчишки совсем от рук отобьются – будут стёкла бить, ломать парты. Поэтому он тоже больше не хочет быть министром.

На четыре часа назначили чрезвычайное заседание совета министров.

Воспользовавшись переполохом, Матиуш выскользнул в парк и два раза пронзительно свистнул. Но Фелек не появился.

Необходимо с кем-то посоветоваться. На нём лежит огромная ответственность. «Что делать? Как быть?» – ломал он себе голову и, не находя ответа, в отчаянии расплакался.

Вконец измученный, Матиуш прилёг на траву, положил голову на берёзовый пень и заснул.

И приснился ему сон. Будто на троне сидит отец, а перед ним навтыяжку стоят все министры. Вдруг в тронном зале пробили часы, которые испортились, кажется, лет четыреста назад, и в зал торжественно вступил церемониймейстер, а за ним четыре лакея с золотой короной. Отец подозвал к себе Матиуша и протянул ему корону с такими словами: «Передаю тебе свою корону и свой ум, потому что корона без разума – кусок золота, который может принести большой вред людям». Сказал и положил Матиушу руку на плечо.

Тут Матиуш проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо, говоря:

– Ваше величество, скоро четыре часа.

Матиуш поднялся с земли, на которой так сладко спал, и – странное дело! – отчаяния и растерянности как не бывало. Он не подозревал, что не одну ночь проведёт ещё на голой земле, под открытым небом и надолго расстанется с роскошным королевским ложем.

Сон сбылся: Матиуш возложил на голову корону, но подал её не отец, а церемониймейстер. Ровно в четыре часа Матиуш позвонил в колокольчик и произнёс:

– Господа, объявляю заседание открытым!

– Прошу слова, – сказал канцлер.

Он произнёс длинную, нудную речь, которая сводилась к тому, что ему весьма прискорбно покидать юного короля в столь тяжёлых обстоятельствах, но он болен и поэтому уходит в отставку.

Примерно то же самое повторили за ним четыре министра.

Матиуш несколько не растерялся и спокойно, но твёрдо сказал:

– Господа, причины у вас бесспорно уважительные. Но на время войны придётся забыть о болезнях и усталости. Вы, господин канцлер, в курсе всех дел и уйти сейчас в отставку никак не можете. Вот выиграем войну – тогда поговорим.

– Но в газетах уже сообщили о моей отставке.

– А теперь сообщат, что по моей просьбе вы остаётесь на своём посту.

«По моему приказанию», – чуть не вырвалось у Матиуша, но, видно, отцовский разум подсказал ему вместо слова «приказ» слово «просьба».

– Господа, наш священный долг – защищать родину.

– Значит, ваше королевское величество собирается воевать одновременно с тремя государствами? – спросил военный министр.

– А вы думали, внук Павла Завоевателя запросит пощады?

Министры не ожидали услышать такой ответ. А главное, канцлер был польщён, что сам король просит его не уходить в отставку. Он немного поломался для

вида, но в конце концов согласился.

Когда совещание кончилось – а продолжалось оно очень долго, – мальчишки-газетчики опять разбежались по городу.

– Экстренный выпуск последних известий! Правительственный кризис ликвидирован! – кричали они.

Это значило – министры помирились.

Матиуш был разочарован: на заседании ни словом не обмолвились о том, что он, Матиуш, обратится к народу с воззванием, а потом на белом коне поскачет во главе отважной армии на войну.

Вместо этого они толковали о каких-то пустяках: о железных дорогах, деньгах, сухарях, о сапогах для солдат, о сене, овсе, говядине да свинине, будто речь шла не о грядущих битвах, а о чём-то совсем будничном.

Матиуш много слышал о минувших сражениях, а о современной войне понятия не имел. Но скоро ему самому предстояло убедиться, какая связь существует между сухарями, сапогами и войной.

Разочарование и беспокойство Матиуша возросли ещё больше, когда на другой день в обычный час явился на урок гувернёр.

Но не прошло и пол-урока, как Матиуша позвали в тронный зал.

– Послы тех государств, которые объявили нам войну, уезжают.

– Куда?

– На родину.

«Чудно?, представители вражеских держав преспокойно уезжают домой, как будто ничего не случилось! – недоумевал Матиуш. – Но, пожалуй, даже лучше расстаться с ними по-хорошему».

– А зачем они явились?

– Попроцаться с вашим королевским величеством.

– А какой у меня должен быть вид – оскорблённый или разгневанный? – тихо спросил он у церемониймейстера, чтобы не расслышали лакеи, а то они перестали бы его уважать.

– Нет, будьте любезны и приветливы. Впрочем, не беспокойтесь, они сами знают, как вести себя в подобных случаях, – вывел его из затруднения церемониймейстер.

Двери широко распахнулись, и в зал величественно вступили чужеземные послы. «Без стражи, без наручников и кандалов», – с удивлением отметил про себя Матиуш.

– Прощайте, ваше королевское величество! Очень прискорбно, что дело дошло до войны. Мы со своей стороны приложили все усилия, чтобы избежать этого. Но увы, наши старания не увенчались успехом. С сожалением возвращаем ордена – нам не пристало носить ордена враждебной державы.

Церемониймейстер взял у послов ордена.

– Соблаговолите, ваше величество, принять выражение искренней благодарности за гостеприимство, оказанное нам в вашей замечательной столице. У нас сохранятся о ней самые отрадные воспоминания. Мы не сомневаемся, что в ближайшее же время досадное недоразумение будет ликвидировано, и наши страны по-прежнему заживут в мире и согласии.

Матиуш встал и с достоинством промолвил:

– Передайте вашим королям: я рад войне и постараюсь поскорее разбить вас, а условия мира предъявлю необременительные. Так всегда поступали мои великие предки.

Послы низко поклонились. Один незаметно усмехнулся.

– Аудиенция окончена! – объявил церемониймейстер, трижды ударив серебряной булавой об пол.

Напечатанное во всех газетах обращение Матиуша к послам вызвало у населения восторг. Перед дворцом собралась огромная толпа. Восторженные крики «ура» сотрясали воздух.

Напрасно Матиуш прождал три дня. Ничего не изменилось. «Король во время войны зубрит грамматику, пишет диктанты и решает задачи – на что это похоже!» – возмущался он.

Огорчённый, сбитый с толку, слонялся он по саду, как вдруг услышал знакомое «ку-ку».

И в следующее мгновение уже держал в руках долгожданное письмо от Фелека.

Я еду на фронт. Отец сдержал обещание только наполовину: напился, но спать не лёг, а стал собираться в дорогу. Не найдя фляжки, перочинного ножа и патронташа, он решил, что это я украл, и всыпал мне по первое число. Сегодня или завтра ночью я удеру из дома. Я был на вокзале. Солдаты обещали взять меня с собой. Если у вашего королевского величества есть какие-нибудь поручения, буду ждать в семь часов. Очень пригодились бы колбаса на дорогу, желательна копчёная, бутылка водки и табак.

Неприятно украдкой, как воришка, удирать из дома, особенно если ты не простой мальчик, а король. Ещё неприятней потихоньку прокрадываться в столовую, залезать в буфет и впопыхах хватать первое, что попадёт под руку: бутылку коньяка, банку икры и большой кусок лососины.

«Ничего не поделаешь, война есть война, – утешал себя Матиуш. – На войне свои законы».

Матиуш был печален, а Фелек так и сиял от счастья.

– Коньяк даже лучше водки, – говорил он. – А что табака нет – тоже не беда.

Фелек, оказывается, засушил листья, а на фронте ему, как и всем солдатам, выдадут табак. Всё хорошо. Жалко только, что главнокомандующий – растяпа.

– Растяпа? А кто назначен главнокомандующим?

Кровь ударила Матиушу в голову. Опять министры обманули его! Оказывается, войска уже неделю как выступили в поход, было даже два сражения – не очень удачных для наших. А во главе войска поставили старого генерала, которого отец Фелека, когда изрядно выпил, назвал растяпой и олухом. Ах вот как! Министры воображают, что они свозят Матиуша разок-другой на фронт, и вдобавок в безопасное место, как на экскурсию. Он будет прилежно зубрить грамматику и решать задачки, а народ за него – кровь проливать! А когда привезут в столицу раненых, ему милостиво разрешат навестить их. И во главе похоронной процессии, если убьют генерала, тоже пойдёт Матиуш, – это ему можно.

«Значит, народ будет защищать меня, а не я его?»

А королевское достоинство? А честь? Что подумает о нём Иренка? Покупать девчонкам кукол до потолка ему можно, а идти на войну нельзя. Нет, господа министры, вы глубоко ошибаетесь, Матиуш не таков!

Матиуш схватил Фелека за плечо, когда тот запихивал в рот пятую пригоршню малины.

– Фелек!

– Слушаюсь, ваше королевское величество!

– Хочешь быть моим другом?

– Так точно, ваше королевское величество!

– Фелек, я сообщу тебе тайну. Только смотри не проболтайся.

– Есть, ваше величество, не проболтаться!

- Сегодня ночью я вместе с тобой убегу на фронт.
- Есть, ваше величество!
- Давай поцелуемся!
- Есть поцеловаться!
- Говори мне «ты».
- Есть говорить вашему величеству «ты»!
- С этой минуты я больше не король. погоди, какое бы придумать себе имя? Ага! Томек Пальчик. Тебя зовут Фелек, а меня – Томек.
- Есть! – сказал Фелек, чуть не подавившись большим куском лососины.

Они условились: сегодня в два часа ночи Матиуш будет ждать Фелека у дворцовой ограды.

- Послушай, Томек, на двоих провизии нужно вдвое больше.

- Ладно, – буркнул Матиуш недовольно. Ему показалось, что в такой ответственный момент думать о еде недостойно.

Гувернёр брезгливо поморщился, заметив на щеке Матиуша красное пятно – след перепачканных малиной Фелековых губ, но ничего не сказал: в королевском дворце тоже ощущалось веяние войны.

Скандал! Из королевского буфета пропала вчера только откупоренная бутылка коньяка, колбаса высшего сорта и половина лосося. Эти лакомства предназначались для гувернёра – такое условие он поставил покойному королю, когда нанимался учить наследника престола. И вот сегодня, впервые за всё время, он будет лишён этого! Как ни старался повар, сделать ничего не удалось. Ещё бы! Нужно ведь писать прошение, на нём главный управитель дворцового хозяйства должен поставить печать, потом ключарь подписать, и только тогда главный хранитель королевских подвалов выдаст новую бутылку коньяка. А если

кто-нибудь заартачится и не подпишет прошения до окончания следствия по делу о пропаже, тогда прощай любезный коньяк на месяц, а то и больше.

Обозлённый гувернёр налил Матиушу рюмку рыбьего жира и на пять секунд раньше, чем полагалось по этикету, отослал спать.

- Томек, ты?

- Я. Это ты, Фелек?

- Ага! Темно, чёрт возьми! На часовых бы не наскочить!

Матиуш не без труда влез на дерево, а с дерева – на забор, а с забора спрыгнул на землю.

- Король, а неловкий, как девчонка! – проворчал себе под нос Фелек, когда Матиуш плюхнулся на землю и издали послышался окрик часового:

- Стой! Кто идёт?

- Не отвечай! – прошипел Фелек.

Падая с забора, Матиуш ободрал кожу на руке: первое ранение на этой войне.

Пригибаясь к земле, перебежали они через дорогу, скатились в ров и под носом у часовых проползли до тополевой аллеи, которая вела к казармам. Казарму обогнули справа. Ориентиром им служила электрическая лампочка, горевшая над гауптвахтой. Потом миновали мостик и вышли на шоссе, которое привело их прямёхонько на вокзал.

Там взору представилась картина, воскресившая в памяти Матиуша рассказы о минувших войнах. Всюду, насколько хватал глаз, – костры, у огня солдаты беседуют или спят, в котелках кипит вода.

Матиуша несколько не удивила лёгкость, с какой Фелек среди этой неразберихи вёл его кратчайшим путём к своему отряду. Он думал, все мальчишки-некорольки такие. Но Матиуш ошибался, Фелек превосходил даже самых ловких и находчивых.

Сутолока, толчая, каждый час прибывают новые и новые отряды, которые передвигаются туда-сюда: одни к железнодорожным путям, другие ищут удобного места для ночлега. Заблудиться ничего не стоит. Фелек несколько раз останавливался в нерешительности. С тех пор как он был здесь днём, многое изменилось. Тут вот стояли пушки, а сейчас их увезли на фронт. На месте пушек расположился полевой госпиталь. Сапёры подались ближе к железнодорожному полотну, а там, где стояли они, суетились телеграфисты. Часть луговины, где расположились лагерем войска, заливал яркий свет прожекторов, другая тонула во мраке. Как назло, стал накрапывать дождь, трава была вытоптана, и ноги вязли в липкой грязи.

Матиуш устал, ему хотелось передохнуть, но он боялся отстать от Фелека, а тот не шёл, а бежал, расталкивая встречных.

– Кажется, здесь, – прищурясь, сказал Фелек. Вдруг взгляд его упал на Матиуша. – А где твоё пальто?

– Висит в королевском гардеробе.

– И рюкзак не взял? Ну, знаешь, так отправляются на войну только растяпы, – вырвалось у Фелека.

– Или герои, – ответил Матиуш с достоинством.

Фелек прикусил язык: как-никак Матиуш – король. Но Фелек был страшно зол: и дождь некстати пошёл, и знакомые солдаты, обещавшие спрятать его в вагоне, куда-то подевались, и ещё этот Матиуш, который даже не знает, что надо брать в дорогу. У него, Фелека, хоть он и получил нахлобучку от отца, и фляга есть, и перочинный нож, и ремень – всё, что полагается иметь настоящему солдату. А Матиуш – вот ужас-то! – в лакированных туфлях, на шее зелёный галстук. Криво повязанный в спешке, грязный, как тряпка, этот злополучный галстук придавал его внешности нечто комическое, и если бы не тревожные мысли, Фелек наверняка бы расхохотался.

– Фелек! Фелек! – позвал вдруг кто-то.

И к ним подошёл рослый парень, видно, тоже доброволец, но в шинели он выглядел как заправский солдат.

– Я жду тебя здесь. Наши уже на вокзале, через час посадка. Скорей!

«Ещё скорей», – ужаснулся Матиуш.

– А это что за фронт? – спросил верзила, указывая на Матиуша.

– Долгая история! Потом расскажу. Пришлось с собой взять.

– Хорошенькое дело! Кабы не я, и тебя бы не взяли, а ты ещё этого щенка приволок.

– Заткнись! – рассердился Фелек. – Он мне бутылку коньяка дал, – прибавил он шёпотом, чтобы Матиуш не расслышал.

– Дашь глотнуть?

– Посмотрим.

Три добровольца долго шли молча. Старший злился на Фелека за своеволие. Фелек понимал, что влип в глупейшую историю, и ему было не по себе. А Матиуш чувствовал себя смертельно оскорблённым и, если бы не обещание молчать, показал бы этому бродяге, как короли отвечают на оскорбление.

– Слушай, Фелек. – Провожатый вдруг остановился. – Если ты сейчас же не отдашь мне коньяк, иди один. Я за тебя замолвил словечко, и ты обещал слушаться. Что будет дальше, если ты с самого начала задаёшься.

Вспыхнула ссора, и дело неминуемо кончилось бы дракой, но тут взорвался ящик с ракетами. Видно, по неосторожности слишком близко поднесли огонь. Две артиллерийские лошади испугались и понесли. Началась паника, воздух прорезал чей-то пронзительный вопль. Когда суматоха немного улеглась,

мальчики увидели своего провожатого в луже крови с перебитой ногой.

Они остолбенели. Что война – это смерть, раны, кровь, они знали, но им казалось, это где-то далеко, на поле боя.

– Что за беспорядок, почему здесь дети? – ворчал какой-то человек – наверно, врач, – отпихивая их в сторону. – Ну, так я и знал: доброволец. Сидел бы ты, сопляк, дома да соску сосал, – бормотал врач, разрезая ножницами штанину.

– Томек, ходу! – шепнул Фелек, заметив вдали двух жандармов, сопровождавших санитаров с носилками.

– А его оставим одного? – робко спросил Матиуш.

– Ну и что? Его отправят в госпиталь. Он теперь не солдат.

Они притаились за палаткой. Через минуту на месте происшествия никого не было – валялся только башмак, забытая санитарями шинель раненого, да алела смешанная с грязью кровь.

– Шинель пригодится, – сказал Фелек. – Отдам, когда выздоровеет, – прибавил он в своё оправдание. – Скорей на вокзал! И так сколько времени потеряли!

Когда они с трудом протиснулись на перрон, в роте шла переключка.

– Не расходиться! – уходя, приказал молодой поручик.

Фелек рассказал солдатам про случай с парнем и не без внутреннего трепета представил им Матиуша.

– Поручик на первой же станции вышвырнет его из вагона. Когда мы ему о тебе сказали, он недовольно поморщился.

– Эй, вояка, сколько тебе лет?

– Десять.

– Дело дрянь! Хочешь, лезь под лавку. Только поручик всё равно тебя вышвырнет, и нам из-за тебя попадёт.

– Пусть только попробует вышвырнуть, сам пешком пойдёт! – негодуя крикнул Матиуш.

Его душили слёзы. Он, король, который должен был, осыпаясь цветами, на белом коне во главе войска покинуть столицу, чтобы исполнить свой священный долг – встать на защиту родины и народа, вместо этого, как преступник, тайком удирает из дворца и ещё вдобавок терпит оскорбления.

Коньяк и лососина смягчили сердца солдат, и лица их прояснились.

– Коньяк прямо королевский! А лососина так и тает во рту! – нахваливали солдаты.

Не без злорадства наблюдал Матиуш, как коньяк иностранного гувернёра с бульканьем льётся в солдатские глотки.

– Глотни и ты, малыш! Посмотрим, годишься ли ты в солдаты.

Наконец-то Матиуш отведал королевский напиток!

– Долой учителей! – провозгласил он, вспомнив, как гувернёр поил его рыбьим жиром.

– Э, да он бунтовщик! – отозвался молодой капрал. – Кого это ты мучителем называешь? Уж не Матиуша ли? Будь осторожен, сынок! За одно такое словечко можно пулю в лоб заработать!

– Король Матиуш не мучитель! – горячо запротестовал Матиуш.

– Он ещё мал, а каков будет, когда вырастет, неизвестно.

Матиуш хотел ещё что-то сказать, но Фелек ловко перевёл разговор на другое:

– Идём мы, значит, а тут как бабахнет! Я думал, с самолёта бомбу сбросили. А это ящик с ракетами взорвался. Потом с неба разноцветные звёзды посыпались...

– На кой чёрт им ракеты на войне?

– Пусть освещать, когда нет прожекторов.

– Рядом тяжёлая артиллерия стояла. Лошади испугались – и прямо на нас! Мы с ним отскочили, а тот не успел...

– Рана-то серьёзная?

– Крови лужа целая натекла. Его сразу унесли.

– Эх, война, война... – вздохнул кто-то. – Коньяк-то ещё остался? И поезда что-то не видать.

Но тут, с шипением выпуская пар, подошёл паровоз. Поднялась суматоха, беготня, гомон.

– Отставить посадку! – на бегу кричал поручик.

Но голос его потонул в общем шуме.

Словно мешки, забросили солдаты мальчишек в вагон. Слышался испуганный храп упирившихся лошадей, ругань, скрежет – не то отцепляли, не то прицепляли вагоны. Наконец поезд тронулся. Вдруг – трах! – раздался треск, и опять вернулись на станцию.

Кто-то вошёл в вагон с фонарём, выкрикивая фамилии, проверяя, все ли на месте. Потом солдаты побежали с котелками за похлёбкой.

Матиуш видел и слышал всё как сквозь сон, у него слипались глаза. И он не заметил, как поезд тронулся. Проснувшись, он услышал мерный перестук колёс. Поезд шёл полным ходом.

«Едем», – подумал король Матиуш и снова заснул.

В тридцати вагонах ехали солдаты, на двух открытых платформах везли автомобили и пулемёты, а в единственном спальном вагоне разместились офицеры.

Матиуш проснулся с головной болью. Нула ушибленная нога, спина, болели глаза. Руки были липкие, грязные, и нестерпимо чесалось всё тело.

– Вставайте, зайцы, похлёбка остынет!

Матиуш, не привыкший к грубой солдатской пище, с трудом проглотил несколько ложек.

– Ешь, брат, что дают! Разносолов не будет, – уговаривал его Фелек, но это не подействовало.

– Голова болит.

– Слушай, Томек, не вздумай болеть... – тревожно зашептал товарищ. – На войне болеть не полагается.

Вдруг Фелек стал яростно чесаться.

– Старик был прав, – пробормотал он, – уже грызут, проклятые... А тебя не кусают?

– Кто? – спросил Матиуш.

– «Кто, кто!» Блохи. А может, и похуже что. Старик сказал: на войне страшны не пули, а эти паразиты.

Матиушу пришла на память история злополучного королевского лакея, и он подумал: «Интересно, как выглядят эти насекомые, которые привели в такую неистовую ярость моего великого предка». Но предаваться размышлениям было

некогда.

- Ребята, прячьтесь, поручик идёт! – раздался вдруг голос капрала.

Их затолкали в угол и прикрыли сверху шинелями.

После проверки обмундирования кое у кого обнаружили лишние вещи. Один солдат, по профессии портной, взялся от нечего делать сшить для наших добровольцев солдатскую форму.

Хуже обстояло дело с сапогами.

- Послушайте, ребята, вы всерьёз решили воевать?

- А то как же?

- Пешком придётся много топтать, вот что. Поэтому после винтовки для солдат главное – сапоги. Пока ноги целы, и горюшка мало, а пятку натёр – пропащий ты человек. Крышка тебе. Каюк.

Солдаты лениво переговаривались, а поезд медленно продвигался вперёд. По часу и больше простаивал он на станциях. Чтобы пропустить эшелон поважней, их отводили на запасный путь. Случалось, возвращали назад на станцию, которую они только что покинули, а то и останавливали в чистом поле, за несколько километров от жилья.

Иногда солдаты пели песни, в соседнем вагоне кто-то играл на гармошке. На стоянках даже плясали. Для ребят, которым не разрешалось выходить из вагона, время тянулось особенно медленно.

- Не высовывайтесь, поручик идёт! – слышалось то и дело.

Матиуш чувствовал себя таким усталым и разбитым, будто по крайней мере в пяти сражениях побывал. Хотелось спать, но мешал зуд; выйти на свежий воздух нельзя, а в вагоне душно.

- Знаете, почему мы так долго стоим? – спросил один солдат, весёлый, бойкий парень, который всегда приносил свежие новости.
- Небось мост взорван или пути повреждены.
- Мосты наши охраняют – будь здоров!
- Значит, угля не хватило, не рассчитали, сколько потребуется.
- Может, диверсанты паровоз испортили?
- Вот и нет! Все эшелоны задержаны, потому что королевский поезд должен проследовать.
- А кто же, чёрт побери, поедет в нём? Уж не Матиуш ли, наш король?
- Только его там не хватало.
- Не нашего ума это дело. Король знает, что делает.
- Теперь короли на войну не ездят.
- Другие не ездят, а Матиуш вполне мог поехать, – вырвалось у Матиуша, хотя Фелек дёрнул его за рукав.
- Все короли хороши. Может, в старину иначе было...
- Откуда мы знаем, как было в старину? Тоже небось лежали под периной и дрожали, только никто этого не помнит, вот и сочиняют всякие небылицы.
- А зачем им врать?
- Тогда скажи: кого больше погибло на войне – королей или солдат?
- Король один, а солдат много.

– А тебе одного мало? И с ним-то хлопот не оберёшься.

Матиуш не верил своим ушам. Значит, это враньё, будто народ, особенно солдаты, души в нём не чают? Ещё вчера он полагал, что инкогнито необходимо, не то от избытка добрых чувств ему могут причинить телесные повреждения, а сегодня понял: узнай солдаты, кто он, это не вызвало бы у них никакого восторга.

Чудно?: солдаты едут сражаться за короля, которого не любят.

Больше всего Матиуш боялся, как бы не стали ругать его отца. Но нет, его даже похвалили:

– Покойный король не любил войны. Сам в драку не лез и народ не гнал на убой.

У Матиуша отлегло от сердца. Приятно услышать доброе слово об отце.

– Чего королю на войне делать? Поспит на земле и расчихается. И блохи его заедят. А от запаха солдатских шинелей голова разболится. Больно кожа у них нежная и нюх деликатный.

Матиуш во всём любил справедливость, поэтому внутренне с ними согласился. В самом деле, поспал вчера на земле, а сегодня из носу течёт, голова болит, и зудит всё тело.

– Поехали! – вдруг крикнул кто-то.

Поезд тронулся и стал набирать скорость. И так всегда: скажет кто-нибудь – поезд, мол, простоит долго, а он неожиданно тронется. Солдаты вскакивали на ходу, а некоторые отставали от своего эшелона.

– Наверно, учат нас не зевать, – предположил кто-то.

Подъехали к большой станции. Так и есть: ждут прибытия какой-то важной персоны. На перроне флаги, почётный караул, дамы в белых платьях, двое детишек с огромными букетами.

– Королевским поездом на фронт едет сам военный министр.

Эшелон отвели на запасный путь, и там он простоял всю ночь. Матиуш спал как убитый. Голодный, измученный, опечаленный, мальчик спал без сновидений.

На рассвете приказали мыть и чистить вагоны. Поручик сам за всем присматривал и всюду совал свой нос.

– Надо, ребята, спрятать вас, не то скандал будет.

И вот на время уборки Матиуша с Фелеком пристроили в убогой будке стрелочника. Жена стрелочника, женщина сердобольная, запричитала-заохала: ей от души было жаль мальчишек. Кроме того, её разбирало любопытство. «У малых ребят скорей, пожалуй, что-нибудь выведаешь», – думала она.

– Ох, детки, детки!.. Кто же гнал вас на войну? Сидели бы лучше дома да в школу ходили. Откуда вы? Куда едете?

– Добрая хозяйюшка, – хмуро ответил Фелек, – отец наш, сержант, уезжая на войну, сказал на прощание: «У хорошего солдата ноги – чтобы шагать, руки – чтобы винтовку держать, глаза – смотреть, уши – слушать, а язык – чтобы его за зубами держать, пока их ложка с солдатской похлёбкой не разожмёт. Винтовка в солдатских руках – защита, а болтливый язык – враг, который целый взвод погубить может». Откуда мы едем – военная тайна. Мы ничего не знаем и не скажем.

Стрелочница от удивления рот разинула.

– Скажите на милость, ребёнок, а рассуждает, как старик. И правильно делаете, детки. Шпионов нынче как собак нерезаных. Напялит на себя мундир – не отличишь от нашего – и шныряет среди войска. Выспросит всё, вынюхает – и айда к своим.

Она преисполнилась к ним таким уважением, что не только чаем напоила, но ещё и колбасы дала.

Матиушу завтрак показался особенно вкусным, потому что перед едой ему удалось как следует помыться.

– Королевский поезд! Королевский поезд! – послышался крик.

Фелек с Матиушем влезли по приставной лестнице на крышу хлева, чтобы лучше видеть.

– Едет, едет!..

Пассажирский поезд, сверкая большими зеркальными окнами, подошёл к перрону. Оркестр заиграл государственный гимн. В окне промелькнуло хорошо знакомое Матиушу лицо военного министра.

На миг их взгляды встретились. Матиуш вздрогнул и быстро отвернулся, испугавшись, как бы министр его не узнал.

Но испуг его был напрасен. Министру, занятому важными государственными делами, было не до мальчишек, которые, стоя на крыше хлева, тарасились на королевский поезд, – это во?первых. Во?вторых, когда обнаружилось, что Матиуш исчез, канцлер велел хранить это в строжайшей тайне, и военного министра провожал на вокзал фальшивый Матиуш. Но об этом речь впереди.

А пока вернёмся к военному министру. Министр иностранных дел велел ему подготовиться к войне с одним королём, а их оказалось три. Было над чем поломать голову. Легко сказать: «Иди и сражайся!» А как сражаться, когда сразу три государства войну объявили. Разобьёшь одного или, допустим, двух, а третий всё равно тебя одолеет.

«Солдат, пожалуй, хватит, – рассуждал министр, – а вот винтовок маловато, пушек и одежды тоже недостаточно».

И вот ему пришёл в голову гениальный план: напасть внезапно на одного противника, захватить трофеи, а потом ударить на другого.

Почётный караул. Цветы. Музыка. Зрелище не из приятных для короля, стоявшего на крыше хлева.

«Всё это по праву должно предназначаться мне», – подумал Матиуш.

Но как мальчик справедливый, он тут же одёрнул себя:

«Конечно, идти перед строем почётного караула под звуки торжественного марша, отдавать честь, получать букеты – приятно, слов нет. Но можно ли командовать войском, не зная географии?»

Матиуш, разумеется, мог показать на карте некоторые реки, горы, острова, знал, что Земля круглая и вращается вокруг своей оси, но этого, пожалуй, маловато, чтобы командовать армией. Надо знать все крепости, все дороги, каждую тропинку в лесу. Однажды его прапрадед одержал блестящую победу. А дело было так. Прапрадедушка затаился со своим войском в лесу, а ничего не подозревавший неприятель углубился в чащу.

Тогда старый король глухими тропами зашёл неприятелю с тыла и разбил его наголову. Враг ожидал нападения с фронта, а на него напали сзади и ещё в непроходимые болота загнали.

А он, Матиуш, знает свои леса и болота?

До сих пор не знал, а теперь узнает. Останься он в столице, ничего, кроме королевского парка, не увидел бы. А теперь увидит всю свою страну.

Солдаты были правы, когда смеялись над Матиушем. Он в самом деле ещё очень маленький и неопытный. Жалко, что война началась сейчас, а не года два спустя.

Теперь вернёмся во дворец и посмотрим, что там произошло, когда стало известно об исчезновении короля.

Утром, как всегда, в королевскую опочивальню вошёл главный дворецкий и глазам своим не поверил: окно раскрыто настежь, постель раскидана, а Матиуша нет.

Но дворецкий, надо отдать ему должное, не растерялся. Заперев спальню на ключ, он побежал к церемониймейстеру, растолкал его и зашептал на ухо:

– Ваше сиятельство, господин церемониймейстер, король пропал!..

Церемониймейстер втайне от всех позвонил канцлеру.

Десяти минут не прошло, как во дворец с бешеной скоростью примчались три автомобиля:

автомобиль канцлера,

автомобиль министра юстиции,

автомобиль обер-полицмейстера.

Короля похитили. Ясно, как дважды два – четыре. Это, несомненно, происки врага. Им это на руку: солдаты узнают об исчезновении короля, откажутся сражаться, и неприятель займёт столицу без боя.

– Кому известно о похищении короля?

– Никому.

– Отлично.

– Необходимо установить, похищен король или убит. Господин обер-полицмейстер, даю вам час на расследование.

В королевском парке есть пруд. Может, короля утопили? Министру морского флота приказали срочно доставить во дворец водолазный костюм. Сам обер-полицмейстер облачился в скафандр, опустился на дно, ходит, ищет. А матросы, стоя на берегу, накачивают насосом воздух, чтобы он не задохнулся. Но Матиуша в пруду не оказалось.

Во дворец вызвали старого доктора и министра торговли. Всё делалось в величайшей тайне. Но слуги почуяли что-то неладное: недаром министры с раннего утра носятся как угорелые.

И вот, чтобы положить конец кривотолкам, во дворце объявили, король Матиуш заболел, и доктор прописал ему раковый суп. Потому, дескать, обер-полицмейстер и нырял в пруд.

Гувернёру сказали, что ввиду болезни Матиуша уроки временно отменяются.

Присутствие доктора всех убедило, что это правда.

– Ну хорошо, допустим, мы выиграли время до вечера, – сказал министр юстиции. – А дальше что?

– Я главный министр, и голова у меня на плечах не для украшения.

Прибыл министр торговли.

– Господин министр, помните куклу, которую король Матиуш велел сделать для этой девчонки?

– Ещё бы! Министр финансов до сих пор мне этого простить не может. Транжиром меня обозвал.

– Так вот, немедленно поезжайте к фабриканту детских игрушек. К завтрашнему утру, если ему жизнь дорога, должна быть готова кукла, как две капли воды похожая на короля. Не забудьте захватить с собой фотографию Матиуша.

Обер-полицмейстер для отвода глаз вытащил из пруда с десятков раков. Их тотчас со всевозможными церемониями отослали на кухню. А доктора заставили под диктовку написать такой рецепт:

Rp. Раковый суп.

Ex[1 - Из (лат.).] 10 раков dosis una[2 - Одна доза (лат.).].

p. s. Через два часа по столовой ложке.

Когда поставщику двора его королевского величества доложили, что его ждёт в кабинете министр торговли, он просиял от удовольствия: «Наверно, опять взбрело что-нибудь в голову королю».

А заказ ему нужен был до зарезу, потому что отцы и дядюшки ушли на войну и подарков детям никто не покупал.

– Господин фабрикант, заказ срочный. Кукла должна быть готова к завтрашнему дню.

– Вы ставите меня в очень затруднительное положение. Почти все рабочие мобилизованы, на фабрике остались только женщины да больные. Кроме того, я завален работой: отцы, отправляясь на войну, покупают своим детям игрушки, чтобы они не плакали, не скучали и хорошо себя вели.

Фабрикант врал почём зря. В армию его рабочих не брали: они были худые, как скелеты. Ведь он платил им очень мало. Про заказы он тоже выдумал. Просто набивал себе цену.

А когда он узнал, что кукла должна быть похожа на короля, у него даже глаза заблестели.

– Понимаете ли, – запинаясь, объяснял министр, – в нынешнее военное время королю часто нужно показываться на людях, разъезжать в карете по городу, чтобы никто не подумал, будто он боится и сидит взаперти во дворце. Вот мы и решили: зачем мучить ребёнка и возить его беспрерывно по городу? Может пойти дождик, он простудится, или ещё какая-нибудь беда приключится. А сейчас, вы сами понимаете, надо особенно беречь короля.

Но хитрого фабриканта было не легко провести. Он сразу смекнул, что здесь кроется какая-то тайна.

– Значит, к завтрашнему дню?

– К девяти утра.

Фабрикант взял карандаш и сделал вид, будто подсчитывает, во сколько обойдётся ему кукла-король. Из любого фарфора её не сделаешь, нужен самый высший сорт. Неизвестно, найдётся ли столько на фабрике. Да, это будет стоить очень дорого. И рабочим придётся заплатить побольше, чтобы держали язык за зубами. А тут, как назло, испортилась машина. Надо за ремонт заплатить. Ну и другие заказы придётся отложить. Он считал долго-долго...

– Господин министр, если бы не война... Как патриот, я понимаю, что у государства сейчас огромные расходы на армию и пушки... так вот, если бы не война, я запросил бы вдвое больше. Но, принимая во внимание интересы государства, так и быть, сделаю подешевле, с убытком для себя, однако это цена окончательная, и я ни копейки не уступлю.

И он назвал такую сумму, что министр ахнул:

– Ведь это грабёж!

– Господин министр, вы оскорбляете в моём лице национальную промышленность.

Министр не решился на свой страх и риск истратить столько денег и позвонил канцлеру. Боясь, как бы их разговор не подслушали, он вместо «кукла» сказал «пушка».

– Господин канцлер, пушка обойдётся очень дорого.

Канцлер сразу понял, о чём идёт речь.

– Не торгуйтесь, – сказал он, – только велите ему, чтобы, когда потянешь за верёвочку, она отдавала честь.

«Что за диковина – пушка, отдающая честь?» – удивилась телефонистка.

– Тогда я отказываюсь делать куклу, – заартачился фабрикант. – Это не моё дело. Обращайтесь к королевскому механику или часовщику. Я честный

фабрикант, а не шарлатан. Открывать и закрывать глаза – пожалуйста, это можно, но отдавать честь кукла не будет. Это моё последнее слово. И ни копейки меньше не возьму.

Весь взмокший, усталый, голодный, приехал министр торговли домой.

Взмокший, усталый, голодный, возвратился и обер-полицмейстер во дворец.

«В результате тщательного расследования установлены обстоятельства похищения короля. События развивались следующим образом. На голову спящему королю накинута мешок, вытащили через окно в парк и отнесли в малинник. Там его величество потерял сознание. Чтобы привести его в чувство, ему дали малины и вишен. На земле найдено шесть вишнёвых косточек. Когда его милость короля Матиуша перетаскивали через ограду, он оказал сопротивление: на коре дерева обнаружены следы голубой королевской крови. Чтобы обмануть погоню, его посадили верхом на корову. Следы коровьих копыт ведут к лесу, там же найден мешок. На опушке следы обрываются. Ясно, что короля где-то спрятали, а где – неизвестно. Расследование прекращено за недостатком времени. Допросить население не было возможности, так как приказано хранить тайну. Надо установить слежку за губернёром. Он ведёт себя подозрительно: спрашивает, можно ли навестить Матиуша. Прилагаю вещественные доказательства: вишнёвые косточки и мешок».

Канцлер бережно положил мешок и косточки в сундук, запер сундук на огромный висячий замок, запечатал красным сургучом, а наверху написал по-латыни: *corpus delicti*[3 - Состав преступления, улики (лат.)].

Так уж повелось на свете: если кто-нибудь чего-нибудь не знает или не хочет, чтобы узнали другие, он пишет по-латыни.

На другой день военный министр явился во дворец с прощальным визитом, а кукла-король сидит на троне – и ни гугу, только честь отдаёт.

Объявления на всех перекрёстках гласили: «Население столицы может спокойно трудиться – его величество король Матиуш будет ежедневно совершать прогулку по городу в открытом автомобиле».

План военного министра удался на славу. Неприятельские главнокомандующие – а их было трое – думали, что войска короля Матиуша будут сражаться сразу на три фронта. А военный министр стянул между тем все силы в одно место и, ударив там, разбил неприятеля наголову. Он захватил богатую добычу и раздал винтовки, сапоги, вещевые мешки тем, у кого их не было.

Матиуш прибыл на фронт, как раз когда раздавали трофейное имущество.

– А это что за вояки? – удивился главный интендант.

– Такие же солдаты, как все, только ростом поменьше, – не растерялся Фелек.

Они с Матиушем выбрали себе по паре сапог, по револьверу, по винтовке и вещевому мешку. Фелеку даже обидно стало: напрасно получил взбучку из-за ремня и перочинного ножа! Но разве можно заранее предвидеть, какие неожиданности ждут тебя на войне!

Недаром их главнокомандующего называли недотёпой и олухом. Вместо того чтобы, захватив добычу, отступить и окопаться, он двинулся в глубь вражеской территории, занял, неизвестно зачем, пять или шесть городов и только тогда приказал рыть окопы. Но было уже поздно, на помощь отступающему врагу спешили союзники.

Солдаты ничего не знали. Это была военная тайна.

На войне прикажут идти туда-то и туда-то, делать то-то и то-то – значит, иди, делай и не рассуждай.

Неприятельский город очень понравился Матиушу. На ночлег солдаты расположились в больших тёплых комнатах. Спать на полу удобней, чем в крестьянских хатах или под открытым небом.

Матиуш с нетерпением ждал первой битвы. Много повидал и узнал он с тех пор, как убежал из дворца, но в сражении ещё не участвовал. Как жалко, что их полк опоздал! На другой день они покинули занятый город и двинулись дальше.

Вдруг приказ:

– Стой! Окапывайся!

Что такое современная война, Матиуш понятия не имел. Он представлял себе войну так: на поле брани сражаются воины, потом победители на конях преследуют побеждённых. А вот что солдаты роют окопы, устанавливают проволочные заграждения и сидят в этих окопах иногда по целым неделям, этого он не подозревал. Поэтому он не очень охотно взялся за работу. Кроме того, от усталости ломило кости. Сражаться – это королевское дело, а ковырять лопатой землю – занятие не для короля!

А тут приходит приказ за приказом: скорей, скорей! Враг близко.

Вдали слышались глухие пушечные раскаты.

Вдруг, прямо на позиции, прикатил на автомобиле сапёр-полковник. Ругается, размахивает кулаками, угрожает расстрелом.

«Завтра бой, – кричит он, – а они тут бездельничают...»

– А эти двое что здесь делают?! – в бешенстве заорал полковник.

Плохо пришлось бы нашим добровольцам, если бы над головами в это время не загудел неприятельский аэроплан.

Полковник глянул в бинокль на небо, заторопился, сел в автомобиль и укатил – только его и видели! А тут – бух-бух-бух! – разорвались три бомбы. Обошлось без жертв. Все успели попрятаться в окопы.

Этот случай многому научил Матиуша. Он больше не дулся, не сердился, а взялся за лопату и копал до тех пор, пока не изнемог от усталости. Потом свалился, как колода, на землю и заснул мёртвым сном. Солдаты не будили его, а сами всю ночь напролёт работали при вспышках ракет. На рассвете неприятель пошёл в атаку.

Сначала показались четверо всадников – передовой разъезд, чтобы узнать и сообщить своим расположение противника. Из окопов раздались выстрелы. Один всадник замертво свалился с лошади, другие ускакали прочь.

– К бою! – крикнул поручик. – Оставаться в окопах, винтовки на изготовку и ждать приказа.

Вскоре появился неприятель. Началась перестрелка. Но преимущество было на стороне наших: они сидели в окопах и вражеские пули со свистом и жужжанием пролетали над головами, не причиняя вреда. А неприятельские солдаты наступали по открытому месту, и пули так и косили их.

Матиуш понял: на войне приказы надо выполнять точно и быстро. Это штатским позволительно рассуждать, протестовать, а для военных приказ – это закон. Вперёд – есть вперёд! Назад – есть назад! Копать окопы – есть копать окопы!

Целый день продолжалось сражение. Наконец неприятель понял: так ничего не добьёшься, только людей потеряешь. Колючая проволока оказалась непреодолимым препятствием. Поэтому они отступили и сами начали окапываться. Но одно дело рыть окопы спокойно, когда никто не мешает, а другое – под обстрелом.

Ночью перестрелка продолжалась при свете ракет. Выстрелы раздавались не так часто: усталые солдаты чередовались – одни стреляли, другие спали.

– Выстояли, – с гордостью говорили друг другу солдаты.

– Выстояли, – сообщил поручик в штаб по телефону.

К тому времени уже успели провести телефон.

Каково же было их удивление и гнев, когда на другой день был получен приказ отступить.

– Как?! – недоумевали солдаты. – Мы отрыли окопы, остановили врага, готовы сражаться не на жизнь, а на смерть – и вдруг отступить...

«На месте поручика я бы ни за что не подчинился приказу, – подумал Матиуш. – Это явное недоразумение. Пусть полковник приедет и сам убедится, как мы храбро сражаемся. У врага вон сколько убитых, а у нас только один раненный в

руку: царапнула неприятельская пуля. Откуда полковник знает, сидя в штабе, как тут обстоят дела».

И Матиуш чуть не крикнул: «Я – король Матиуш! Запрещаю отступить! Король главнее полковника!»

Только боязнь, что ему не поверят и поднимут на смех, остановила его.

Однако Матиуш ещё раз на собственном опыте убедился, как важно на войне в точности выполнять приказы.

Обидно было покидать с таким трудом вырытые окопы, жалко бросать запасы хлеба, сахара и сала. Горько было идти через деревню и слышать удивлённые возгласы крестьян: «Как, вы отступаете?!»

По дороге нагнал их связной на лошади и вручил поручику приказ, в котором говорилось, чтобы они, не останавливаясь, шли как можно скорей.

Легко сказать – как можно скорей, а каково после двух бессонных ночей (одну ночь рыли окопы, вторую – сражались) идти без передышки? К тому же не хватало еды. И в довершение всего солдаты пали духом. Одно дело идти вперёд – откуда только силы берутся, летишь как на крыльях. А вот отступить, да ещё не по своей воле, всегда тяжело – словно гири к ногам привязаны.

Шли, шли – и вдруг выстрелы с обеих сторон: справа и слева.

– Ясно! – вскричал поручик. – Мы слишком далеко вырвались вперёд, враг зашёл с тыла и окружил нас. Ещё немного, и в плен бы попали.

– Ну и влип! Теперь придётся из окружения выходить, – проворчал бывалый солдат.

Ох как это было тяжело! Теперь в окопах сидели неприятельские солдаты и обстреливали их с двух сторон, а они отступали под вражеским огнём.

Вот когда Матиуш понял, почему министры на заседании столько говорили о сапогах, сухарях и фураже.

Если бы не сухари, они умерли бы с голода. Три дня, кроме сухарей, у них ничего во рту не было. Спали по очереди, два-три часа в сутки. А ноги стёрли в кровь, прямо, что называется, до костей.

Бесшумно, как тени, пробирались они лесными тропами. Поручик то и дело вынимал карту, искал овраг или заросли погуще, чтобы спрятаться.

Время от времени в отдалении появлялись неприятельские разведчики, выследят, в каком направлении они отступают, и мчатся с донесением к своим.

Матиуша было не узнать. Худой, как скелет, сгорбленный, он казался ещё меньше ростом. Многие солдаты побросали винтовки, а он сжимал свою одеревеневшими пальцами.

Столько переживаний за несколько дней!

«Папочка, папочка, как тяжело быть королём, когда на твою страну напал враг! – с горечью думал Матиуш. – Сказать: “Я вас не боюсь и разобью в два счёта, как мой прадед Павел Завоеватель”, ничего не стоит. А победить ох как трудно! Какой я был глупый, легкомысленный мальчишка! Мечтал, что поскачу на белом коне на войну, а жители столицы будут усыпать цветами улицы. А сколько погибнет людей, об этом я не думал».

Неприятельские пули так и косили солдат, а Матиуш уцелел, может, благодаря маленькому росту.

Как они обрадовались, когда прорвались к своим! И окопы там уже отрыты.

«Теперь над нами смеяться будут», – подумал Матиуш.

Но скоро он убедился, что на войне тоже есть справедливость. Когда они наелись досыта и отоспались, их отправили в тыл, за пять километров от фронта, в маленький городишко, а на смену им пришли другие солдаты.

В городе тех, кто не бросил оружие, построили отдельно, и генерал обратился к ним с речью:

– Честь вам и хвала! Настоящие герои познаются во время поражения, а не при звуках фанфар!

– И эти мальцы здесь? – добродушно спросил сапёрный полковник, заметив в строю Матиуша и Фелека. – Да здравствуют отважные братья Крушигора и Вырвидуб!

С тех пор Фелека звали Крушигора, а Матиуша – Вырвидуб.

– Эй, Крушигора, принеси воды!

– Вырвидуб, подбрось-ка сучьев в костёр!

Мальчики стали всеобщими любимцами.

На отдыхе до солдат дошла весть о том, что военный министр поссорился с главнокомандующим и помирил их король Матиуш.

Матиушу, конечно, не могло прийти в голову, что по улицам столицы разъезжает автомобиль, в котором сидит кукла-король и отдаёт честь. Он был ещё мал и плохо разбирался в дипломатии.

Отдохнув, они снова вернулись на передний край. Началась так называемая позиционная война; обе воюющие стороны засели в окопах, стреляли друг в друга, но пули пролетали над головами, не причиняя вреда. Когда надоедало сидеть, зарывшись в землю, ходили в атаку. Случалось, километра на два продвигались вперёд или отступали назад.

Солдаты совсем освоились в окопах: расхаживали, как по коридору, пели, шутили, играли в карты, а Матиуш прилежно учился. Занимался с ним поручик, который изнемогал от скуки. Утром расставит дозорных в секреты, чтобы следили, не идёт ли неприятель в атаку, позвонит в штаб, сообщит, что всё в порядке, – вот и все дела!

Для поручика занятия с Матиушем были развлечением. А Матиушу очень хотелось учиться. Сидит он в окопе, учит географию, в вышине звенят жаворонки. Время от времени прогремит вдали выстрел – и опять тихо.

Но вдруг будто бешеные псы завоют. Это мелкокалиберные полевые орудия.

А потом – бух-бух! Это большая пушка.

И пошло... Винтовки квакают, как жабы. Свист, вой, грохот – бух, бабах!..

И так полчаса, час. Иногда в окоп попадёт снаряд, разорвётся, уложит на месте несколько человек, нескольких ранит.

Но остальные не трусят – привыкли.

«Жалко, хороший был товарищ, вечная ему память», – скажут солдаты.

Раненым сделают перевязку, а ночью отправят в полевой госпиталь.

На войне как на войне.

Не миновала пуля и Матиуша. Рана, правда, пустяковая, даже кость не задело. В госпиталь идти не хотелось, но врач настаивал, и пришлось подчиниться.

Впервые за четыре месяца в постели! Какое блаженство! Матрац, подушка, одеяло, белоснежная простыня, полотенце, возле кровати тумбочка, кружка, тарелка, ложка (жалкое подобие той, какой ел он в королевском дворце).

Рана заживала быстро. Сёстры и врачи полюбили Матиуша, и всё бы хорошо, только вот страх, что его узнают.

– Смотрите, как он похож на короля Матиуша! – заметила как-то раз жена полковника.

– Да, да, мне его лицо тоже показалось знакомым.

Хотели даже послать его фотографию в газету.

– Ни за что! – наотрез отказался Матиуш.

– Глупый, – говорили ему, – король Матиуш увидит в газете фотографию такого маленького солдата и наградит тебя медалью. Или отцу пошлешь фотографию, то-то он обрадуется!

– Нет и нет! – твердил Матиуш.

Надоели ему эти разговоры: он не на шутку боялся, как бы не обнаружилось, кто он.

– Оставьте его в покое. Мальчик прав. Король Матиуш, чего доброго, оскорбится, воспримет это как намёк: ты, мол, на автомобиле по городу разъезжаешь, а твои ровесники на войне жизнью рискуют.

«Чёрт возьми, о каком это Матиуше они толкуют?» Юный король давно махнул рукой на придворные манеры и выражался, как его товарищи-солдаты.

«Хорошо, что я убежал на фронт!» – не в первый раз подумал Матиуш.

Его не хотели выписывать из госпиталя, просили остаться. Говорили, он будет разносить раненым чай, помогать на кухне...

Но Матиуш отказался.

Ни за что на свете! Пусть мнимый король разъезжает по городу, раздаёт раненым подарки, принимает участие в торжественных похоронах офицеров, место настоящего короля – в окопах!

И Матиуш вернулся к своим товарищам на передовую.

– А где же Фелек?

Фелеку надоело прозябать в окопах. Парень он был живой, ни секунды не посидит на месте. А тут целыми неделями сиди, скорчившись, даже головы не смей высунуть, не то раздастся выстрел и от поручика достанется.

– Спрячешь ты свою дурацкую башку или нет? – ругается поручик. – Подстрелят вот такого дурака, и потом возись с ним: перевязку делай, в госпиталь вези. И без тебя хлопот хватает.

Отчитал его поручик раз-другой, а потом посадил на гауптвахту на три дня на хлеб и воду.

Послушайте, за что.

Однажды ночью неприятельских солдат отвели на отдых, в тыл, а на их место пришли новые. Окопы расположены были близко; из одного крикнешь – в другом слышно. Началась перебранка между новичками и нашими.

– У вас король – сопляк!

– А ваш – старая галоша!

– Эй вы, голь перекатная! У вас сапоги каши просят!

– А у вас рожи от голода повытянулись! Бурду вместо кофе лакаете!

– Иди попробуй!

– Как волки голодные! Не накормишь вас, когда в плен попадаете.

– А вы оборванцы!

– Здорово вы драпанули!

– Зато всыпали вам напоследок по первое число!

– Горе-стрелки! Вам бы в лягушек палить из пушек!

– Сами хороши!

– Мы-то умеем стрелять!

Тут Фелек не выдержал, выскочил из окопа, повернулся к ним задом, задрал шинель и крикнул:

- А ну стреляйте!

Пиф-паф!.. - прогремело четыре выстрела и... мимо.

- Эх вы, стрелки!

Солдаты хохотали до упаду, а поручик рассвирепел и посадил Фелека под арест в глубокую яму, обшитую досками.

Откуда доски? - спросите вы. Солдаты разбирали разрушенные избы и обшивали досками стены в окопах, делали настил на земле, навесы для защиты от дождя.

Фелек просидел в яме всего два дня. Поручик его простил. Но Фелек не забыл обиды.

- Не хочу больше служить в пехоте!

- А куда же ты пойдёшь?

- На аэропланах буду летать!

В государстве Матиуша не хватало бензина. А чем тяжелее груз, тем больше расходуется горючего. Поэтому был отдан приказ: в летчики брать самых тощих солдат.

- Иди и ты, колбасник! - подшучивали солдаты над одним толстяком.

Шутки шутками, а Фелека решили отправить в авиацию. Двенадцатилетний мальчик - это настоящая находка! Разве найдёшь легче? Пилот будет управлять самолётом, а Фелек бомбы сбрасывать.

Матиуш не знал, радоваться или огорчаться, что Фелека нет.

Фелек был единственным человеком, посвящённым в его тайну. И хотя Матиуш сам просил называть себя Томеком, ему было неприятно, когда Фелек обращался с ним, как с ровней, а то и вовсе свысока. Фелек был старше. Он пил водку, курил, а когда угощали Матиуша, то неизменно говорил:

- Не давайте ему, он маленький!

Матиуша не соблазняли ни водка, ни курево, но он предпочитал отвечать за себя сам и в адвокате не нуждался.

А когда ночью предстояло идти в разведку, Фелек подстраивал всегда так, что брали его, а не Матиуша.

- Не берите Томека! Какая от него польза? - говорил он.

Разведка - дело опасное и трудное. Подползают на животе к позициям врага, перерезают ножницами колючую проволоку и захватывают «языка». Иногда часами лежишь не шелохнувшись, одно неосторожное движение - и небо освещается ракетами, а по смельчакам открывают пальбу. Солдаты жалели Матиуша - он был маленький и слабый - и чаще брали с собой Фелека. А Матиушу было обидно.

Теперь Матиуш стал незаменим в отряде. То патроны отнесёт дозорным, то пролезет под колючей проволокой и подползёт к неприятельским окопам, а два раза даже во вражеский стан пробирался.

Переодели Матиуша пастушонком. Он подлез под колючую проволоку, прошёл версты две, сел перед разрушенной хатой и притворился, будто плачет.

Мимо шёл солдат, увидел его и спрашивает:

- Ты чего плачешь, мальчик?

- Как же мне не плакать? - отвечает Матиуш. - Дом наш сожгли, мама куда-то пропала...

Матиуша отвели в штаб, напоили горячим кофе... И ему стало не по себе: его накормили, куртку старую дали, потому что он дрожал от холода (для отвода глаз свои нарочно надели на него всякую рвань), а он обманет их, предаст. За добро отплатит злом.

И Матиуш про себя решил ничего своим не говорить. Пусть считают его дурачком и не посылают больше в разведку. «Не хочу быть шпионом», – подумал Матиуш.

Но тут его вызвали к офицеру.

– Как тебя зовут, мальчик? – спросил офицер.

– Томек.

– Слушай внимательно, Томек, что я тебе скажу. Ты можешь оставаться в отряде, пока не вернётся твоя мама. Тебе выдадут обмундирование, котелок, деньги, еду будешь получать из полковой кухни. Но за это ты должен пробраться к врагам и разведать, где у них пороховой склад.

– А что это такое? – Матиуш прикинулся простачком.

Его повели в пороховой склад, где хранились снаряды, бомбы, гранаты, порох, патроны.

– Понял теперь?

– Понял.

– Так узнай, где находится у них такой склад, возвращайся и расскажи нам.

– Хорошо, – согласился Матиуш.

Офицер на радостях подарил Матиушу плитку шоколада.

«Ах вот вы какие! – Матиуша перестали мучить угрызения совести. – Лучше быть шпионом у своих, чем у врага».

Его вывели на дорогу и дали несколько залпов в воздух, чтобы сбить противника с толку.

Довольный, возвращался Матиуш к своим. То на животе ползёт, то на четвереньках и жуёт шоколад.

Вдруг – бах, бах!.. Это свои открыли по нему огонь. Солдаты заметили – кто-то крадётся, а кто, не знают.

– Выпустить три ракеты! – приказал поручик, взял бинокль и, направив его в ту сторону, даже побледнел от страха.

– Прекратить огонь! Это Вырвидуб возвращается с задания.

Без помех вернулся Матиуш к своим, рассказал, что и как. Поручик немедленно позвонил артиллеристам, приказал прямой наводкой бить по пороховому складу. Артиллеристы двенадцать раз промазали, а на тринадцатый попали прямо в цель. Раздался грохот, пламя полыхнуло до неба, всё заволокло дымом – даже дышать стало нечем.

В неприятельских окопах поднялась паника. А поручик взял Матиуша на руки, подбросил вверх и три раза прокричал:

– Молодец, Томек! Молодец! Молодец!

Всё хорошо, что хорошо кончается. С той поры в роте ещё больше полюбили Матиуша. Солдатам в награду выдали бочку водки, и они три дня и три ночи спали спокойно, у противника не осталось ни одного снаряда. Поручик даже разрешил вылезти из окопов – поразмяться. Враги злились, но сделать ничего не могли.

Снова потянулись однообразные военные будни. Днём занятия с поручиком, наряды, дежурство, перестрелка. А когда затяжные осенние дожди размывали земляные укрепления, Матиуш выходил с лопатой на работу.

«Странно, я мечтал изобрести увеличительное стекло, чтобы взорвать на расстоянии неприятельский пороховой склад. И мечта сбылась, хоть и не совсем так, как я думал».

Миновала осень. Наступила зима.

Выпал снег. Солдатам раздали тёплое обмундирование. Кругом стало тихо и белым-бело.

В это время Матиуш усвоил ещё одну важную истину. Солдаты не могут вечно сидеть в окопах, иначе война никогда не кончится.

Пока на фронте было затишье, в столице кипела работа: в главном штабе разрабатывали план наступления. План заключался в следующем: собрать все силы в кулак, внезапно ударить по врагу и прорвать линию фронта. Противнику волей-неволей придётся отступить, потому что в прорыв устремятся войска, зайдут с тыла и начнётся бой не на жизнь, а на смерть.

Поручику присвоили зимой звание капитана. Матиуша наградили медалью. Как он обрадовался! Их отряд дважды отмечали в приказе по армии за отличное выполнение боевых заданий.

Как-то к ним в окопы явился важный генерал и зачитал приказ:

– «От имени его величества короля Матиуша Первого выношу роте благодарность за уничтожение вражеского порохового склада и за отвагу, проявленную в боях за родину. Возлагаю на роту почётное и тайное задание: с наступлением тепла прорвать линию фронта».

Это было большой честью.

Начались тайные приготовления. Подвезли снаряды, пушки. За передовой стояла наготове конница.

Солдаты поглядывают на солнышко. Ждут не дождутся тёплых дней. Так и рвутся в бой!

Капитан придумал такую хитрость: чтобы ввести в заблуждение врага, будто у них мало сил, послать в атаку сначала только половину роты. Пусть постреляют для вида и возвращаются в окопы. А на другой день выступит вся рота и опрокинет легковерного противника.

Сказано – сделано.

Полроты пошло в атаку. Перед атакой капитан приказал артиллеристам открыть огонь по проволочным заграждениям, чтобы прорвать их и облегчить путь пехоте.

– Вперёд! – скомандовал капитан.

Ох, до чего хорошо вырваться из затхлых, сырых окопов, мчаться во весь дух и кричать: «Ура! Вперёд!» Враги увидели – прямо на них с винтовками наперевес бегут солдаты, и до того испугались, что даже не стреляли. Наши уже добежали до разорванной снарядами колючей проволоки, но тут послышалась команда к отступлению.

Матиуш с ещё несколькими солдатами забежал слишком далеко, не услышал команды и попал в плен.

– Ага, трусили! Бежали как ошалелые, орали, будто невесть сколько их, а нас увидели – давай бог ноги! – в отместку за свою растерянность и страх издевались над пленными неприятельские солдаты.

Опять шёл Матиуш в штаб, только не переодетый, как в прошлый раз, а в шинели. Теперь он был военнопленный.

– Ага, попался, голубчик! – узнав его, злобно воскликнул офицер. – Это из-за тебя взорвали зимой наш пороховой склад! Теперь ты так легко не отделаешься... Солдат отвести в лагерь для военнопленных, а мальчишка, как шпион, будет повешен.

– Я – солдат! – запротестовал Матиуш. – Вы имеете право меня расстрелять, но не вешать!

– Ишь какой умник выискался! То он Томек, то солдат. Нет, голубчик, теперь-то мы тебя повесим как предателя.

– Права не имеете! – настаивал на своём Матиуш. – Тогда я тоже был солдатом. Перешёл фронт по заданию командира и нарочно сел перед разрушенной хатой.

– Ну, довольно болтать! Отвести его под усиленной охраной в тюрьму. Военный суд завтра разберётся. Если ты и вправду был солдатом, может, повезёт тебе – получишь пулю в лоб, хотя я предпочёл бы тебя вздёрнуть.

На другой день состоялся суд.

– Я обвиняю этого мальчика в том, – сказал на суде офицер, – что он выследил, где находится наш пороховой склад, и донёс врагу. Неприятельская артиллерия двенадцать раз промазала, на тринадцатый попала в цель, и склад взлетел на воздух.

– Признаёшь ли ты себя виновным? – спросил седой генерал-судья.

– Нет! Всё было не так. Этот офицер сам показал мне пороховой склад и велел разузнать, где у нас хранятся порох и снаряды, и донести ему. И в награду дал мне плитку шоколада... Разве я неправду говорю?

Офицер покраснел. Местонахождение пороховых складов – военная тайна, и он никому не имел права выдавать её.

– Меня послали в разведку, а ваш офицер хотел сделать из меня шпиона.

– Да я не думал... Не знал... Не предполагал... Не сообразил... – оправдывался, заикаясь от волнения, офицер.

– Стыд и позор! – перебил его старый генерал. – Вас обвёл вокруг пальца маленький мальчик. Вы поступили плохо и понесёте за это заслуженное наказание. Но мальчик тоже виноват, и мы не можем его оправдать. Предоставляю слово адвокату.

– Господа судьи! – начал свою речь защитник. – Подсудимый, который называет себя то Вырвидубом, то Томеком по фамилии Палец, не виновен. Как солдат он обязан был подчиниться приказу командира. Его послали в разведку, и он пошёл. Его, как и остальных, надо отправить в лагерь для военнопленных – таково моё мнение.

Генерал обрадовался в душе: ему было жалко мальчика. Но не подал виду: военным не полагается проявлять доброту и сочувствие к неприятельским солдатам.

Он склонился над книгой, где были записаны все военные законы, и стал искать место о военных шпионах.

– Ага, вот оно, нашёл, – сказал он наконец. – «Гражданские лица, которые передают врагу сведения за денежное вознаграждение, подлежат повешению, а военные шпионы – расстрелу. В случае, если адвокат не согласен с решением суда, дело передаётся в высшую инстанцию и приведение приговора в исполнение откладывается».

– Я с решением суда не согласен, – заявил адвокат, – и требую передачи дела в высшую инстанцию.

Генерал и остальные судьи согласились.

Матиуша снова отвели в тюрьму. Тюрьмой называлась обыкновенная крестьянская хата. Больших каменных домов с решётками на окнах на фронте нет. Такая «роскошь» бывает только в городах. Под окнами и перед дверью хаты-тюрьмы поставили по двое часовых с винтовками и пистолетами.

Размышляет Матиуш о своей судьбе, но духом не падает, не теряет надежды: «Хотели меня повесить – и не повесили. Может, и пуля меня минет. Столько их над моей головой пролетало, а я – жив».

Он с аппетитом поужинал. Еда была очень вкусная. По существующему обычаю, приговорённых к смерти принято кормить сытно и вкусно. А Матиуша считали обречённым.

Сидит Матиуш у окошка и смотрит, как в небе кружат аэропланы. «Наши или неприятельские?» Не успел он додумать до конца, как рядом с тюрьмой разорвались одновременно три бомбы.

Что было потом, Матиуш не помнил. Бомбы посыпались градом. Одна угодила в хату-тюрьму, и всё перевернулось вверх дном. Послышались крики, стоны, грохот... Матиуш почувствовал, как его взяли на руки, но он не мог поднять головы. В ушах стоял нескончаемый шум. Очнулся он на широкой кровати в роскошно обставленной комнате.

– Как вы себя чувствуете, ваше королевское величество? – вытягиваясь в струнку, спросил тот самый старик генерал, который зимой вручал ему медаль.

– Я – Томек Палец, Вырвидуб, рядовой солдат, господин генерал! – вскричал Матиуш, вскакивая с кровати.

– Сейчас мы это проверим, – засмеялся генерал. – Эй, позвать сюда Фелека!

Вошёл Фелек в форме пилота.

– Скажи-ка, Фелек, кто это?

– Его величество король Матиуш Первый.

Упорствовать дальше не имело смысла. Для поднятия духа солдат и всего народа необходимо было сообщить, что король Матиуш жив и находится на фронте.

– В состоянии ли ваше величество принять участие в военном совете?

– Да.

На военном совете Матиуш узнал следующее: по городу возили в автомобиле фарфоровую куклу. А во время аудиенции канцлер сажал куклу на трон, незаметно дёргал за верёвочку, и кукла кивала головой и отдавала честь.

В автомобиль куклу вносили на руках. Король Матиуш, сообщали в газетах, дал обет до тех пор не ступить ногой на землю, пока последний враг не будет изгнан из пределов страны.

Уловка удалась: люди поверили. Хотя казалось немного странным, почему Матиуш и на троне, и в автомобиле всегда сидит в одной и той же позе, никогда не улыбнётся, слова не вымолвит, только головой кивает да честь отдаёт.

И вот по городу поползли зловещие слухи. Весть о таинственном исчезновении Матиуша просочилась сквозь толстые стены дворца.

Во вражеском стане тоже знали кое о чём из донесений шпионов, но особого значения этому до поры до времени не придавали. Была зима, а зимой на фронте обычно затишье.

Но когда стало известно, что войска Матиуша готовятся к наступлению, враги забили тревогу, засуетились и в конце концов выведали тайну.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Из (лат.).

2

Одна доза (лат.).

3

Состав преступления, улики (лат.).

Купить: <https://tellnovel.com/yanush-korchak/korol-matiush-pervyy-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)